

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра международных отношений и зарубежного регионоведения

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент, (должность)

_____ (И.О. Ф.)

_____ 2017 г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой, к.т.н., доцент

_____ Л.И. Шестакова

_____ 2017 г.

Л.Н. Гумилёв как первооткрыватель теории взаимозависимости
климатических колебаний и этногенеза

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
К ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЕ
ЮУрГУ–410301.2017.114 ПЗ ВКР

Руководитель ВКР, д.и.н., профессор

_____ С.Г. Боталов

_____ 2017 г.

Автор проекта

студент группы ЛМ-405

_____ А.О. Шаповалов

_____ 2017 г.

Нормоконтролер, д.и.н., профессор

_____ С.Г. Боталов

_____ 2017г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
1 БИОГРАФИЯ АВТОРА И ТРУДНАЯ ДОРОГА К РОЖДЕНИЮ ИДЕИ.	11
2 У ИСТОКОВ РОЖДЕНИЯ ИДЕИ.....	25
3 ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНОВ ПО Л.Н. ГУМИЛЁВУ	47
4 КРИТИКА ТЕОРИИ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	76

ВВЕДЕНИЕ

Лев Николаевич Гумилёв – советский учёный историк, этнолог, археолог, востоковед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского Государственного Университета (ныне СПбГУ), автор пассионарной теории этногенеза.

Жизненный путь Льва Гумилёва трудно назвать лёгкими и приятным. Ещё со школы из-за происхождения, воспитания и некоторых особенностей характера он претерпел много трудностей и бед. Увлечение историей, равно как и литературой, началось у него ещё в детстве. Но связать свою жизнь с историей он решил после нескольких геологических экспедиций, последняя из которых – в Таджикистан – оказала на него наибольшее влияние. Будучи отчислен из экспедиции, он продолжительное время жил и работал среди местного населения – декханов Таджикистана. Рождение его интереса к этнографии, скорее всего, произошло тогда.

В 1934 году поступил в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) на исторический факультет. Систематическое образование ограничилось четырьмя курсами. После первого ареста он был отчислен, ему удалось восстановиться, но второй арест, последовавшее заключение в ГУЛАГ и война помешали ему. Вернувшись, он не стал восстанавливаться в ЛГУ. Подготовившись самостоятельно, сдал экзамены за два курса экстерном и защитил в 1946 году дипломную работу, материалы для которой собирал ещё в 1937 году.

В 1948 году с большим успехом защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политическая история первого тюркского каганата». Получил должность старшего научного сотрудника Музея этнографии народов СССР. Возобновил работу в экспедициях. Казалось бы, жизнь начала налаживаться. Но в 1949 году он был снова арестован и отправлен отбывать заключение в лагерь. Попытки во

время следствия, тяжёлая работа и другие радости лагерной жизни серьёзно подорвали здоровье Л. Н. Гумилёва. Он был признан инвалидом и определён исполнять обязанности лагерного библиотекаря. Это позволило ему сохранить остатки здоровья и вернуться к научной деятельности. Черновой вариант «Истории Хунну» был написан там, в библиотеке Камышлага.

В 1956 году Л. Н. Гумилёв был признан невиновным по всем статьям (а обвинялся он в антисоветской, контрреволюционной, террористической деятельности) и отпущен на свободу. По делу 1938 года Л. Н. Гумилёв был реабилитирован только в 1975 году. Всего он провел в тюрьмах и лагерях около 14 лет.

Вернувшись из заключения, он продолжил свою работу. В 1960 году увидела свет его первая книга «Хунну: Срединная Азия в древние времена». Монография сразу была замечена специалистами, вызвала ожесточённые споры, но, в итоге, получила признание. Первая научная монография Л. Н. Гумилёва содержала три основные идеи, которые в дальнейшем определяли всё его творчество:

- 1) Антиевропоцентристские убеждения и мировоззрение
- 2) Объяснение исторических и социальных явлений с точки зрения их природной обусловленности
- 3) Попытка ответить на вопрос о причинах большой социальной и военной активности этноса в то или иное время. Именно в этом контексте Гумилёв вводит понятия «пассионарность» и «пассионарный толчок»

Далее было много работы. Защита докторской диссертации и издание её в виде книги под названием «Древние тюрки». Археологические экспедиции, итогом которых стала нашумевшая «Открытие Хазарии». Вторая докторская диссертация, превращённая затем в трактат «Этногенез и биосфера Земли», обрётший несколько скандальную известность. И многое другое. Всего принял участие в 21 экспедиционном сезоне. Научное наследие включает 12 монографий и более 200 статей.

Начиная, с 1974 года теории Л. Н. Гумилёва начинают подвергаться критике в советской печати, и постепенно его перестают печатать в центральных журналах, а затем и вообще. Интерес читающего общества к его работе возродился только на рубеже 80-90 гг., незадолго до смерти автора.

Актуальность темы связана, прежде всего, с тем, что взгляды Гумилёва, выходящие далеко за рамки общепринятых научных представлений, продолжают оставаться причиной споров и острых дискуссий среди историков, этнологов и других учёных.

Изученность данной темы. Данная тема изучена хорошо, но, недостаточно. Большинство исследователей и критиков уделяют большей частью внимание пассионарной теории этногенеза, недооценивая другие его научные достижения, хотя они были признаны ещё при жизни автора.

Цель работы. В ходе изучения трудов Л. Н. Гумилёва, мнения его оппонентов и биографии автора выяснить, какой вклад внёс Л.Н. Гумилёв в науку, в частности, в установление связи между науками гуманитарными (история, этнография и др.) и естественными (география, климатология и др.)

Задачи работы:

- Рассмотреть биографию и труды Л. Н. Гумилёва;
- Определить ключевые этапы становления теории Л. Н. Гумилёва о причинах исторических и социальных явлений с точки зрения их природной обусловленности;
- Показать закономерности в развитии этносов, выделенные Л.Н. Гумилёвым;
- Сравнить различные мнения о теории Л. Н. Гумилёва в научном сообществе;
- Сделать вывод о значимости исследований Л. Н. Гумилёва

Методика исследования. В процессе исследования были использованы методы анализа, обобщения, сравнения.

1 БИОГРАФИЯ АВТОРА И ТРУДНАЯ ДОРОГА К РОЖДЕНИЮ ИДЕИ

Лев Гумилёв был рождён в Царском Селе 1 октября 1912 года. Его родителями стали поэты Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Детство провёл у бабушки в имении Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии. Очень редко виделся с родителями, которые были заняты и редко навещали родовое имение матери Гумилёвых. Затем началась Первая мировая война, потом революция. Родители Льва практически туда не выезжали: Гумилёв-старший был одним из первых, кто в 1914 году добровольцем ушел на фронт. Ахматова же недолюбливала Слепнево, считая его местом неживописным [1].

Недостаток родительской ласки с лихвой компенсировала бабушка, Анна Ивановна. Будучи человеком набожным и обладающим широким кругозором, она с детства приучала внука к богатству и разнообразию мира.

Детство свое Лев Николаевич помнит очень смутно и мало раскрывает его в своей автобиографии. «Известно мне только, что я был передан сразу на руки бабушке — Анне Ивановне Гумилёвой, увезен в Тверскую губернию, а потом мы жили в городе Бежецке, в котором я и кончил среднюю школу», - говорит он сам. В это время будущий учёный всерьёз увлекается историей, и, как говорит он сам, «по детской молодой памяти я очень много запомнил». Уже в школе, где будущий исследователь проучился до 1929 года, он был обвинен в «академическом кулачестве» за то, что своими знаниями и успехами выделялся среди своих сверстников. Впоследствии из-за своей новизны своей учёной деятельности он постоянно оказывался в подобном положении [4].

В 1930 году в Ленинграде в средней школе №67 закончил последний класс. Когда он вернулся обратно в Ленинград, то осознал неблагоприятный для себя факт. Для того чтобы закрепиться в Ленинграде, ему пришлось ещё на один год остаться в школе. Впрочем, по словам Гумилёва, этот год скорее пошёл ему на

пользу: он мог уже не уделять столько времени физике, математике и прочим точным наукам, всецело отдаваясь любимой им истории.

В 1930 году Л. Н. Гумилёв подаёт заявление в университет, но получает отказ из-за не самой благоприятной родословной (Николая Гумилёва расстреляли 26 августа 1921 года по «делу Таганцева»). Тогда же он поступил в качестве чернорабочего на службу в трамвайном управлении города и встал на учёт на бирже труда. И вот на следующий год приходит направление в геолого-разведочный «Институт неметаллических полезных ископаемых» Геологического комитета. В 1931 году Гумилёв работал в Саянах в составе геологической экспедиции, где безуспешно попытался изучить геологию – по признанию учёного, эта наука не являлась него профильной, однако, в должности младшего коллектора экспедиции поехал в Сибирь, на Байкал, где принял участие в экспедиции, и проведённые там месяцы Гумилёв впоследствии называл «очень счастливыми», когда он впервые увлекся полевой работой [3].

В 1932 году Гумилёв устроился научно-техническим сотрудником в экспедицию по изучению Памира. Здесь он по своей инициативе вне рабочего времени увлекся изучением земноводных животных. Это, однако, не нравится его непосредственному руководству, поэтому он оставляет работу. Позднее он поступил малярным разведчиком на станцию совхоза Догары, усиленно занимался изучением персидского языка и арабского письма. Потом, уже в университете, самостоятельно выучил и персидскую грамоту. Сам Гумилёв вспоминал об этом своём периоде своей биографии как о весьма полезном. Говорить он выучился довольно быстро, менее чем через год Лев Николаевич уже бегло говорит на таджикском. После этого, отработав зиму опять-таки в Геологоразведочном институте, Л. Н. Гумилёв перешел в Институт геологии на Четвертичную комиссию с темой уже более близкой ему по духу — археологической. Участвовал в Крымской экспедиции, которая раскапывала пещеру [17].

По возвращении, однако, судьба уготовала ему новое испытание. Начальник его экспедиции был арестован, а сам Гумилёв на 3 года остался без работы. Он решает рискнуть и вновь подаёт заявление в университет.

Через 2 года, в 1934 году, Гумилёв в качестве студента Ленинградского университета слушал курсы по истории у В.В.Струве, Е.В.Тарле, С.И.Ковалева и других светил исторической науки. Поступив на исторический факультет, занимался с большим рвением и увлечением – будущего учёного по-настоящему увлекали те предметы, которые там преподавались. И вдруг произошло событие, задевшее и Л.Н.Гумилёва — гибель Сергея Мироновича Кирова. В Ленинграде начались повальные доносы, клевета и даже провокации. В 1935 году Лев Гумилёв был впервые арестован вместе со своим отчимом и некоторым однокурсниками. Его и арестованных вместе с ним студентов спасло обращение Анны Ахматовой к Сталину «из-за отсутствия состава преступления». Однако он был исключён из университета и позже рассказывал, как целую зиму голодал, ведь отчим забирал себе все пайки его матери, положенные ей по карточкам, и всячески показывал неприязненное отношение к пасынку, отказывая ему даже в еде. Только в конце 1936 года Гумилёв восстановился на учёбе благодаря помощи ректора университета, Лазуркина, который сказал: «Я не дам искалечить жизнь мальчику». Ректор разрешил будущему учёному сдать экзамены за 2-й курс (которые Гумилёв сдал экстерном), и поступить сразу на 3-й курс, где начал заниматься персидским (таджикским) языком, на котором он умел говорить, но не писать и читать. В это время Лев Николаевич постоянно посещал Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР (ЛЮ ИВАН АН СССР), где самостоятельно изучал различные печатные источники по истории древних тюрков [4].

В 1937 году Гумилёв выступает с докладом в своей альма-матер на тему «Удельно-лествичная система тюрков в VI-VIII веках». Доклад, который спустя 22 года – в 1959 году – вышел в свет на страницах журнала «Советская этнография». В начале 1938 года Л. Н. Гумилёв снова, будучи студентом ЛГУ,

был арестован и осуждён на пятилетний срок, и на этот раз следователь прямо заявил, что Гумилёв арестован как сын своего отца, и он сказал: «Вам любить нас не за что», хотя уже к 1936 громкое дело Таганцева, по которому судили Николая Гумилёва, было закрыто. Но следователь не обратил на это никакого внимания, и после семи ночей избиения Льву Николаевичу было предложено подписание протокола, который он даже не смог прочесть. По итогам суда, его и ещё двух студентов признали виновными в терроризме. Дальше было еще хуже: прокурор объявил, что приговор в отношении Гумилёва слишком мягок, а выше срока в 10 лет по этой статье полагался расстрел. Услышав это, Гумилёв, никак не отреагировал, его больше интересовало, где бы в камере найти покурить, нежели вопросы жизни и смерти. Однако в дело вмешались другие обстоятельства: несмотря на отмену приговора, из-за общей неразберихи, Гумилёва отправили по ошибке на Беломорканал. Оттуда его вернули для дорасследования, но за это время был расстрелян тот самый прокурор, который требовал для Льва Николаевича отмены приговора. Следствием было выявлено полное отсутствие каких-либо преступных действий, и его перевели на особое совещание, которое дало 5 лет, после чего Гумилёв отправился в Норильск и работал там сначала на общих работах, потом в геологическом отделе и, наконец, в химической лаборатории архивариусом [6].

После того, как Лев Гумилёв отбыл назначенный ему срок, в 1943 году его оставили в Норильске без права выезда, так как раньше он работал техником-геологом. Будучи в бараке, учёный жил по соседству с татарами и казахами и выучил татарский, а также казахский и другие ближневосточные языки. Гумилёву повезло открыть большое месторождение железа на Нижней Тунгуске. Случай, после которого он попросил – как в благодарность – отпустить его на фронт. Начальство долго колебалось, но в конечном итоге приняли решение дать учёному такую возможность. Лев Николаевич поехал добровольцем на фронт и попал сначала в учебную часть, откуда, после прохождения 7 дней обучения, был отправлен на фронт в составе пехотных частей. По дороге на Брест, эшелон

Гумилёва, шедший первым, завернули на одну станцию назад, где стали обучать зенитной артиллерии. Обучение продолжалось 2 недели. За это время был прорван фронт на Висле, Гумилёв получает назначение в зенитную часть, куда и направляется. Там он служил, пока не был переведён полевую артиллерию, что произошло уже в Германии. «И тут», - рассказывает Лев Николаевич, - «я сделал действительно проступок, который вполне объясним. У немцев почти в каждом доме были очень вкусные банки с маринованными вишнями, и в то время, когда наша автомобильная колонна шла на марше и останавливалась, солдаты бегали искать эти вишни. Побежал и я. А в это время колонна тронулась, и я оказался один посреди Германии, правда, с карабином и гранатой в кармане. Три дня я ходил и искал свою часть. Убедившись, что я ее не найду, я примкнул к той самой артиллерии, которой я был обучен — к зенитной. Меня приняли, допросили, выяснили, что я ничего дурного не сделал, немцев не обидел...» И в этой части будущий учёный и закончил войну, став одним из участников штурма Берлина. К несчастью, попал он не в самую лучшую из батарей. Командир батареи, старший лейтенант Финкельштейн, невзлюбил Гумилёва и поэтому лишал всех наград и поощрений. И даже когда под городом Тойпицем Лев Николаевич поднял батарею по тревоге, чтобы отразить немецкую контратаку, старший лейтенант сделал вид, что контратаки никакой не было, и за это Гумилёв не получил ни малейшей награды. Однако по окончании войны, при описании боевого опыта дивизии, из десяти-двенадцати толковых и грамотных офицеров, сержантов и рядовых, командование дивизии нашло только Гумилёва. Как он позже вспоминал: «И я это сочинение написал, за что получил в виде награды чистое, свежее обмундирование: гимнастерку и шаровары, а также освобождение от нарядов и работ до демобилизации, которая должна была быть через 2 недели»[4].

В 1945 году Лев Гумилёв, уже уважаемый фронтовик, возвращается в Ленинград и в очередной раз становится студентом ЛГУ. В начале 1946 года он экстерном сдаёт 10 экзаменов и оканчивает университет. В то же время ему удалось сдать все кандидатские экзамены и поступить в аспирантуру

Ленинградского Отделения Института Востоковедения Академии Наук СССР.[6]

Летом 1946 года, будучи аспирантом, Лев Гумилёв принял участие в археологической экспедиции М.И.Артамонова в Подолии. Когда Гумилёв вернулся, то узнал, что в это время стихи Анны Ахматовой не понравились товарищам Жданову и Сталину, её выгнали из Союза Писателей, и вновь начались тяжёлые дни. Перед тем как начальство спохватилось и выдворило будущего учёного из аспирантуры, он быстро сдал английский язык и специальность, причем английский язык на оценку «хорошо», а специальность — на «отлично», и представил кандидатскую диссертацию. Но защитить ее уже не удалось. Льва Николаевича выгнали из Института востоковедения с мотивировкой: «За несоответствие филологической подготовки избранной специальности», хотя персидский язык тоже был сдан. Несоответствие, впрочем, действительно было — требовалось два языка, а Гумилёв сдал пять. Но, тем не менее, его выгнали, и он опять остался без средств к существованию. Но судьба опять улыбнулась Льву Николаевичу: его взяли библиотекарем в психиатрическую больницу [17]. После полугода работы, согласно советским законам, необходимо было представить характеристику с последнего места работы, и характеристика Льва Николаевича была действительно хорошей. Он снова обратился к ректору университета, профессору Вознесенскому, который, после ознакомления с ситуацией, разрешил Гумилёву защищать кандидатскую. Таким образом, Лева Гумилева допустили к защите диссертации кандидата исторических наук при ЛГУ, состоявшейся 28 декабря 1948 года. Весной 1948 года Лев Гумилёв в качестве научного сотрудника принял участие в археологической экспедиции на Алтае, на кургане «Пазырык». После защиты кандидатской диссертации его с трудом приняли на работу научным сотрудником в «Музей этнографии народов СССР», но решения он так и не дождался: 7 ноября 1949 года Лев Николаевич снова арестован. Гумилёва привезли из Ленинграда в Москву, в Лефортово. Следователь два месяца допрашивал Гумилёва и выяснил, что тот не сделал ничего такого, за что можно было преследовать. После чего

следователя сменили, дав других, которые составили протоколы без участия Льва Николаевича и передали документы на Особое совещание, которое на этот раз дало учёному срок уже 10 лет. После этого Гумилёв провёл очень много времени на окраинах: он был отправлен сначала в Караганду, оттуда в Междуреченск и в Омск. Гумилёву удалось получить инвалидность, он работал библиотекарем, попутно занимаясь любимой историей, и написал труд по истории гуннов и половину истории древних тюрков, которую не удалось дописать на воле. В 1956 году Он возвращается в Ленинград, где его ждало глубочайшее разочарование при встрече с матерью: «...Мама моя, о встрече с которой я мечтал весь срок, изменилась настолько, что я ее с трудом узнал. <...> Она встретила меня очень холодно. Она отправила меня в Ленинград, а сама осталась в Москве, чтобы, очевидно, не прописывать меня. Но меня, правда, прописали сослуживцы, а потом, когда она, наконец, вернулась, то прописала и она. <...> Когда я вернулся назад, то я долгое время просто не мог понять, какие же у меня отношения с матерью? И когда она приехала и узнала, что я все-таки прописан и встал на очередь на получение квартиры, она устроила мне жуткий скандал: «Как ты смел прописаться?!» Причем мотивов этому не было никаких, она их просто не приводила. Но если бы я не прописался, то, естественно, меня могли бы выслать из Ленинграда как не прописанного. Но тут ей кто-то объяснил, что прописать меня все-таки надо, и через некоторое время я поступил на работу в Эрмитаж, куда меня принял профессор Артамонов, но тоже, видимо, преодолевая очень большое сопротивление»[4].

Во время работы библиотекарем в Эрмитаже, Лев Николаевич завершает докторскую диссертацию «Древние тюрки» и защищает её. После защиты Гумилёва ректор ЛГУ, А. Д. Александров, пригласил Льва Николаевича в НИИ Географии при ЛГУ, где он проработал до 1986 года, с начала как научный работник, далее - старший научный сотрудник. Перед выходом на пенсию был переведён в ведущие научные сотрудники. Кроме работы в НИИ, он вел курс лекций по «Народоведению» в своей альма-матер. И это было, по признанию

учёного, самое большое счастье в его жизни, потому что географы, в отличие от историков, и особенно востоковедов, не задевали Льва Николаевича. У коллектива института отношение к Гумилёву было нейтрально-дружественным — за 25 лет работы он не видел от коллектива ничего плохого, только уважительное рабочее отношение. Гумилёв впоследствии характеризовал эти отношения как «совершенно безоблачные». В этот период он, наконец, превратил свою диссертацию в книгу «Древние тюрки», которую напечатали из политических соображений: необходимо было чем-то ответить на территориальные притязания Китая в Сибири, Монголии и Средней Азии. Потом Гумилёв написал книгу «Поиски вымышленного царства» о царстве пресвитера Иоанна, которое было ложно, выдуманно [3]. В ней учёный предпринял попытку показать, каким образом можно отличать правду от лжи в исторических источниках при отсутствии параллельной версии. Это произведение имело очень большой резонанс и вызвало резко отрицательное отношение академика Б. А. Рыбакова, который написал по этому поводу шестистраничную статью, в которой с особым рвением критиковал Гумилёва. Льву Николаевичу удалось ответить статьёй, показывающей 3 принципиальные и 42 фактические ошибки академика. Далее Гумилёв пишет новую книгу «Хунны в Китае» и тем самым завершает цикл истории Центральной Азии в домонгольский период. «Очень трудно мне было ее печатать, потому что редактор Востокиздата, которого мне дали, — Кунин такой был — он издевался надо мной так, как редактора могут издеваться, чувствуя свою полную безопасность» [4], - вспоминал впоследствии Гумилёв. Тем не менее, книга, хотя и искалеченная правками, вышла без оглавления, потому что редактор изменил нумерацию страниц и испортил оглавление. Книгу напечатали, и с ней Лев Николаевич закончил первую часть трудов своей жизни — изучил прорехи в истории Внутренней Азии между Россией и Китаем в домонгольский период.

С 1959 года его труды начинают печатать небольшими тиражами. В этих условиях Гумилёв окунается в работу Ленинградского отделения Всесоюзного

географического общества. С помощью информации из их сборников ему удаётся выпустить ряд своих работ, которые ранее не были допущены в официальных научных периодических изданиях.

К сожалению, ситуация с жильём для Льва Николаевича, и без того сложная, складывалась не самым лучшим образом. Он по-прежнему ютился в маленькой комнате большой коммуналки с двенадцатью соседями, и не мог найти понимания с матерью – Анной Ахматовой. Мать Гумилёва находилась под влиянием людей, с которыми тот не имел никаких личных контактов, и даже в большинстве своем не был знаком. Но её они интересовали значительно больше, чем собственный сын, и поэтому их отношения в течение первых пяти лет после возвращения Льва Николаевича неизменно ухудшались: всё больше и больше отдалялись они друг от друга [6]. Пока, наконец, перед защитой докторской, накануне дня рождения Льва Николаевича в 1961 году, она не выразила свое категорическое неудовольствие научной карьерой сына, и выгнала его из дома. Как потом признавался Лев Николаевич, для него это был очень сильный удар, вплоть до тяжёлой болезни, от которой впоследствии с трудом оправился. Но ему всё же хватило сил и выдержки для хорошей защиты докторской диссертации и продолжения научной работы. Последние 5 лет жизни матери учёный с ней не встречался. Именно за эти последние 5 лет она завершила свою поэму «Реквием». Гумилёв называл поэму странной и так говорил о ней: «Реквием по-русски значит панихида. Панихиду по живому человеку считается, согласно нашим древним обычаям, служить грешно, но служат ее только в том случае, когда хотят, чтобы тот, по кому служат панихиду, вернулся к тому, кто ее служит. Это было своего рода волшебство, о котором, вероятно, мать не знала, но как-то унаследовала это как древнерусскую традицию. Во всяком случае, для меня эта поэма была совершеннейшей неожиданностью, и ко мне она, собственно, никакого отношения не имела, потому что зачем же служить панихиду по человеку, которому можно позвонить по телефону»[4].

Через пять лет Анны Ахматовой не стало. Её смерть, судя по воспоминаниям Льва Николаевича, явилась для него полной неожиданностью. Тем не менее, сыновний долг он выполнил с честью, и похоронил мать, соорудив памятник ей частично на унаследованные деньги, а частично – за счёт своих гонораров за книгу о гуннах.

В 1974 году Л. Н. Гумилёв защищает вторую докторскую диссертацию – раз по географическим наукам, которую ВАК не утвердил. Данный труд, названный «Этногенез и биосфера Земли», спустя 15 лет вышел в качестве отдельной книги и был моментально раскуплен со склада издательства ЛГУ. Заслуги Льва Гумилёва, однако, как в научной, так и педагогической сфере, упорно игнорировались. По этой причине Гумилёва не удостоили ни звания профессора, ни каких-либо почётных наград или званий. Однако вопреки всем этим неприятностям, Лев Гумилёв с неизменным удовольствием выступал на лекциях и как перед студентами, так и перед вольнослушателями. Обычно студенты часто сбегают с лекций (об этом ещё тогда не редко выдвигался вопрос на Ученом совете: как их надо записывать и принуждать к посещению) [17]. С лекций Гумилёва студенты перестали сбегать после второй или третьей проведённой пары. После этого уже сотрудники стали слушать лекции Льва Николаевича. После этого, когда курс был разработан более подробно и апробирован в качестве ряда предварительных лекций, на которые приходили вольнослушатели со всего Ленинграда. В итоге, ради шанса послушать его лекции, Гумилёва вызвали в Новосибирск в Академгородок, где состоялось прочтение специального сокращенного курса, ради которого народ приезжал даже из самого Новосибирска в Академгородок (что занимало немало времени). Слушателей было настолько много, что двери силой запирали, но студенты Академгородка, преимущественно выходцы с технических специальностей, довольно быстро сумели вскрыть замки и проникали внутрь. Позднее в зал начали пускать строго по билетам. «Чем я объясняю успех своих лекций?» - вопрошал впоследствии Гумилёв, - «Отнюдь не своими лекторскими способностями — я картавый, не декламацией и не многими

подробностями, которые я действительно знаю из истории и которые включал в лекции, чтобы легче было слушать и воспринимать, а той основной идеей, которую я проводил в этих лекциях» [4].

Идея эта заключалась в синтезе естественных и гуманитарных наук, то есть у Гумилёва получилось уравнивать историю и науки, исследуемые наблюдением и проверяемые теми способами, которые приняты в физике, биологии, геологии и прочих точных и естественных наук. Основная идея его курса была такова: отличие этноса от общества и социальной формации в том, что он существует параллельно обществу, вне зависимости от переживаемых обществом формаций, но взаимодействует с ними в той или иной мере. Причиной образования этноса он считал «особую флуктуацию биохимической энергии живого вещества, открытую Вернадским, и дальнейший энтропийный процесс, то есть процесс затухания толчка от воздействия окружающей среды. Каждый толчок рано или поздно должен затухнуть» [4]. Как итог, исторический процесс впервые был представлен не линейно, а в виде системы, матрицы факторов, переплетённых между собой. Они взаимодействуют друг с другом разными способами. Иногда между факторами есть положительная взаимосвязь, иногда положительный аспект взаимосвязи исключён, иногда нейтрален. Являясь системой, каждый этнос проходит через стадии развития: от фазы подъема к фазе наибольшего накала, затем происходит довольно резкий спад, плавно переходящий к инерционной фазе развития, и затем он постепенно затухает, сменяясь другими этносами. Это не имеет прямого отношения к социальным соотношениям, являясь фоном для развития социальной жизни. Данное свойство энергии живого вещества биосферы всем известно. Но Гумилёв впервые в науке отметил её значение, во время размышлений в условиях тюрьмы о проблемах истории. Он заметил, что в некоторых людях в той или иной степени присутствует тяга к жертвенности и верность своим идеалам. Для таких людей в большей или меньшей степени характерно стремление к осуществлению того, что им дороже личного счастья и личной жизни. По Гумилёву такие люди называются пассионариями, а качество

это называется пассионарностью [3]. Суть заключается в том, что эти люди присутствуют в каждом слое какого-либо этнического или социального объединения, и их количество со временем снижается, однако цель им, как правило, подсказывает необходимая в данной ситуации поведенческая доминанта, а в другом случае цель этой доминанте противоречит. Раз уж это энергия, то она неизменна, она просто показывает активность пассионариев. Данная концепция позволила Льву Николаевичу определить, почему возникают подъемы и спады народов: подъемы происходят при росте количества таких людей, спады же случаются при уменьшении. Также существует оптимальный уровень, когда пассионарии наличествуют в количестве, необходимом для выполнения общих задач государства/нации класса, а остальные работают вместе с ними. Положения данной теории категорически противоречат как расовой теории, предполагающей наличие природных качеств, что присущи каким-либо нациям, так и «теории героя и толпы»[17]. Но у героя есть возможность вести эту войну только тогда, когда в толпе на его посыл откликнутся другие пассионарии – менее активные, но всё же пассионарии; они важны как в роли ведущих, так и в роли ведомых. В переложении на историю данная теория себя оправдала. Благодаря тому, что людям хотелось понять причины падения великих цивилизаций, таких, как Древний Рим/Китай или Арабский халифат, и возник такой ажиотаж на лекциях Гумилёва. Это применимо так же и в современности, эти знания может применить любой человек с достаточным знанием в области новой истории, и позволяет оценить перспективы Западного мира, Востока и России. Дело в том, что к этому была впервые в лекциях Гумилёва присоединена жёсткая связь человеческого коллектива с ландшафтом, т.е. окружающие народность климат, флора и фауна напрямую влияют на формирование этноса. Они являлись двумя параметрами, при перекрещивании которых становится виден фокус, позволяющий охарактеризовать этнос [6].

Неоднозначной оказалась ситуация с наследством Ахматовой, суды за которое продолжались в течение трёх лет. После смерти матери Гумилёва зашел вопрос о

её наследстве. Лев Николаевич был признан единственным наследником; однако, все имущество Ахматовой, такое как вещи и черновики, было взято без спроса и присвоено себе её соседкой Пуниной (по мужу Рубинштейн). Для защиты наследия своей матери Гумилёв обратился к Пушкинскому дому с предложением принять на хранение в архив все её литературные наработки. Пушкинский дом подал в суд, от которого позднее довольно быстро отошел, предоставив вести суд Льву Николаевичу, как потерпевшему. Данный процесс занял три года; присвоение Пуниной этого имущества с последующей распродажей разным советским учреждением, вызывал осуждение в Ленинградском городском суде, постановившем, что деньги получены Пуниной незаконно. Однако Верховный суд РСФСР посчитал все украденное подаренным, и постановил, что Гумилёв никакого отношения к наследству Ахматовой не имеет, ведь она всё якобы подарила Пуниной, несмотря на то, что не было ни документов, подтверждающих дарение, ни сама Пунина акт дарения не подтвердила. По признанию учёного, этот суд произвёл на него тяжелейшее впечатление, и в значительной мере негативно повлияло на эффективность дальнейшей работы.[1]

В 1967 году судьба свела пути Льва Николаевича с художницей-графиком из Москвы Наталией Викторовной Симоновской. Она была известным членом МОСХа, но оставила жизнь и карьеру в Москве ради двадцати пяти лет травли, слежки, замалчивания трудов Льва Николаевича и совместного с ним быта. Все эти годы она была рядом, жила его миром, его друзьями, учениками, «наблюдателями» и просто любопытствующими. Кормила и поила всех гостей Льва Николаевича. Расстраивалась, когда отрекались ученики, когда не печатали или правили книги Гумилёва. Она была не только женой и другом, но и соратником. Их совместный быт начался в обычной советской коммуналке, каких уже нет даже в Петербурге. Вместе они прожили, по её признанию, счастливую жизнь, счастливую и полную трагизма. Наталья Викторовна называла его искателем истин – Исторической, Человеческой и Божественной – что является искренним признанием в любви и уважении к великому учёному.[17]

Назвать Гумилёва историком можно весьма условно. Он является автором глубоких, по-настоящему инновационных исследований в области истории кочевников Срединной и Центральной Азии в период с III в. до н.э. по XV в. н. э., их историографии - изменения климата и ландшафта того же региона за тот же период. Кроме того, Лев Николаевич – создатель теории этногенеза, автор проблем палеоэтнографии Средней Азии, истории тибетских и памирских народов в I тыс. н. э. Огромное внимание в трудах Льва Гумилёва было уделено проблеме Древней Руси и Великой Степи, освещаемое с новых позиций.[6]

2 У ИСТОКОВ РОЖДЕНИЯ ИДЕИ

Весной 1959 г. Л.Н. Гумилёв со своим учителем и наставником М. И. Артамоновым обсуждали вероятное местонахождение столицы Хазарии Итиля и особенностей измерения расстояний в Азии. И персидский фарсах, и таджикский чакрым - были мерой не длины, а усилий, которые человеку предстояло приложить, чтобы добраться до места назначения. Не могу не согласиться с тем, что подобный принцип измерения расстояний был весьма удобен для простого человека, но категорически негоден для составления карт. В данной ситуации следовало учитывать не абстрактную длину, а проходимость путей перекочевков. Тут же прикинув расстояния, оказалось, что Итиль, скорее всего, находится близ одного из берегов Волги. Возникла необходимость в доказательстве теории о том, что фарсах (а именно в них указано местоположение Итиля) не мера длины как таковая, а приблизительный коэффициент проходимости, зависящий от рельефа местности и состояния дорог [21].

В первых числах сентября 1959 г. из Ленинграда выдвинулась Астраханская археологическая экспедиция, в состав которой вошли: Лев Николаевич Гумилев—начальник экспедиции, Иштван Эрдеи и В. Д. Белецкий — сотрудники экспедиции, а так же примкнувший в Москве к экспедиции студент - дипломник исторического факультета МГУ А.Н. Зелинский в качестве рабочего [21].

Подобную экспедицию никак нельзя назвать удачной. С экспедицией принято привозить с собой не соображения или выводы, а что-либо куда более вещественное, например предметы быта, останки и планы городищ. Но в данном случае единственной ценной находкой являлся лишь один черепок от вазы, извлечённый из слоя ила.

По возвращении из экспедиции Гумилёв поделился своими соображениями с гидробиологом и лимнологом В. Н. Абросовым. Услышав о датировке нижневолжского аллювия керамикой X в. он поделился своей концепцией,

которой для полноты воплощения не хватало только твердой хронологии. Суть её была в следующем.

В зависимости от степени активности солнечной радиации, теплый и влажный воздух, который приносят нам циклоны с Атлантического океана, может иметь три возможных направления движения:

1) При относительно малой солнечной активности циклоны проходят над Средиземным и Черным морями, над Северным Кавказом и Казахстаном и задерживаются горами Алтая и Тянь-Шаня, где влага выпадает в виде дождей. В этой ситуации увлажняются и богатеют зеленью степи, пустыни наполняются зеленью, растёт уровень воды Балхаша и Аральского моря, которых подпитывают степные реки, и сохнет Каспийское море, которое подпитывается преимущественно Волгой. В лесной полосе начинают мелеть реки, на месте заросших травой болот появляются поляны; стоят крепкие, малоснежные зимы, а летом правит бал зной. На севере Белое и Баренцево моря крепко замерзают, укореняется вечная мерзлота, уровень тундровых озер растёт, а солнечные лучи, что проходят через холодный воздух, раскаляют летом поверхность земли, поскольку из-за отсутствия облаков происходит большая инсоляция. Подобное развитие событий наиболее благоприятно для роста производительных сил по всей Евразии.

2) В случае увеличения солнечной активности, путь циклонов сдвигается на север и проходит через Францию, Германию, Среднюю Россию и Сибирь. Тогда степи высыхают, Балхаш и Арал мелеют, наполняется водой Каспийское море, а воды Волги становятся мутным, бурным потоком. Леса в Волго-Окском междуречье заболачиваются, зимой наблюдается обильное выпадение снега и учащение оттепелей; летом часто ходит мелкий дождик, последствием которого могут оказаться неурожай и болезни.

3) При ещё большем росте солнечной активности циклоны устремляются через Шотландию, Скандинавию к Белому и Карскому морям. Под воздействием солнца степь постепенно превращается в пустыню, а о существовавшей некогда

культуре напоминают только останки селений и городов. Сухие степные ветра влетают в лесную зону, принося запыленность ее южные окраины. Волга мелеет, что является причиной входа Каспийского моря в свои берега. В это время на севере, из-за оттаивания льдов Белого, Баренцева и даже Карского морей, поднимаются испарения, которые заслоняют солнце от земли, в результате чего наступают холода, приходит сырость и прочие неудобства. Вечная мерзлота уходит в глубь земли, а вместе с ней впитывается в оттаявшую землю вода из тундровых озер. В результате обмеления озёр гибнет обитающая в них рыба, а в тундре и в степи начинается голодное время [5].

Рассмотрение подобным образом истории кочевых народов, живущих только натуральным хозяйством, позволяет восстановить природные условия минувших эпох путём обратного хода мысли. Выяснилось, что климатические периоды длятся примерно два-пять веков.

Данная климатическая концепция имела решающую роль в дальнейших поисках Гумилёва, так как доказывала, что со времён гибели хазарского каганата климат и ландшафт его месторасположения претерпел значительные изменения, а значит нужно искать Хазарию в пойме и дельте Волги, а не на её берегах.

Не смотря на неудачу первой экспедиции, предоставленных доводов хватило, чтобы организовать ещё один маршрут в составе геологической экспедиции А. А. Алексина.

И это исследование увенчалось успехом, так как помимо подтверждения климатической теории были найдены первые останки жителя Хазарии.

Деньги на новую экспедицию были выделены без ограничений.

Однако, к огорчению Л.Н. Гумилёва, археологи совершенно не проявили интереса к тому, что ему казалось наиболее ценным— ландшафтными наблюдениям. Им это казалось просто географической беллетристикой, а сама мысль об изменениях климата в историческое время — перлом из разряда научно-популярных фантастических рассказов. По этой причине Гумилёв с А. А. Алексиным провели совместный доклад на Отделении этнографии

Географического общества «Палеогеография Волжской Хазарии и изменения климата за исторический период» и возымели успех.

Гумилёв с А.А. Алексиним рассуждали исходя из следующего предположения: зеленые степи, в сочетании с лесистыми горными хребтами, являются прекрасной кормовой базой для огромных стад животных. Именно в этой степи жили могучие кочевые народы— хунны, тюрки и монголы,— которым удалось довести скотоводческое хозяйство до огромных высот и стать известными всему миру. Сила и слава кочевников напрямую зависели от количества их скота, определявшегося площадью пастбищ и кормовыми запасами, которые, в свою очередь, зависели от выпадавших в степи дождей. В случае уменьшения осадков вело к росту пустынных территорий на севере, увеличение осадков вело к росту тайги на юге, а кроме того, увеличение снежного покрова являлось серьёзной помехой для животных при добыче зимой подножного корма, что становилось причиной массовой гибели скота. Невозможно предположить, что было для кочевников страшнее [10].

Уже не раз учёные пытались обосновать военные походы Аттилы и Чингисхана ухудшением степных климатических условий. Но, как мы могли уже догадаться, эти предположения не были доказаны неспроста. Успешные войны кочевников и вторжения в Китай, Иран, Европу могли быть совершены лишь отрядами дисциплинированных обученных воинов, а вовсе не неконтролируемой толпой голодных доходяг.

Именно по этой причине подобные события, как правило, происходили во время улучшения климатических условий в степи. Ухудшение, в свою очередь, имело своим последствием выселение кочевников мелкими группами, которые, как правило, оседали на окраинах степи. Такие малозаметные перемещения не попадали в поле зрения историков и географов, которые обращали внимание лишь на события мирового значения. Именно в тот момент начинается путаница, из-за которой сопоставление исторических событий и природных явлений могло казаться бессмыслицей. На самом деле, при установлении двух типов

передвижения кочевых народов возможно сопоставить перемещения с увлажненностью степной зоны без каких-либо неточностей. Таким образом, обратным ходом мысли можно представить изменения климата за известные нам по письменным источникам исторические периоды. Этот новый подход к проблеме основывается на сопряжении нескольких наук, таких как: география, климатология, история, археология и этнография. У него нет ничего общего с «географическим детерминизмом» Монтескье и Л. Мечникова, которые сводили объяснение исторических событий к географическим факторам[9].

Л.Н. Гумилёвым была установлена лишь эластичность границ ландшафтных зон в зависимости от климатических колебаний, а так же рассмотрена этническая среда в качестве показателя, чутко реагирующего на изменения внешней среды, в данном случае природы.

Используя данный подход, удалось выяснить, что пространство степей, которое служило экономической основой для хозяйства кочевников, то увеличивалось, то снова сокращалось. Причина этого кроется в атмосферных явлениях, которые зависят от степени активности солнечной радиации.

Доклад рекомендовали к печати, и продолжение работ в данной сфере снискало одобрение. Было решено организовать экспедицию, которая могла увенчаться либо огромным успехом, либо огромным провалом.

Доклад содержал следующие соображения:

Во время теплого и сухого суббореального периода в Южной Сибири окрепли палеометаллические культуры. Их развитие происходило на границе тайги и степи в доисторический период, однако их экономические возможности были подорваны наступлением холодного периода и продвижением леса на юг, в результате чего их культура стала склоняться к упадку. В свою очередь для жителей монгольских степей увлажнение и появление островков леса стало благом, и хозяйство степных народов в середине первого тысячелетия н. э. приходит к периоду расцвета. Однако ко второму тысячелетию н. э. это увлажнение в южных районах Центральной Азии прекратилось. Иссохли степи,

исчезли источники, от рек остались лишь сухие русла, а речные пески, что долго откладывались на их дне, были разнесены ветрами и обернулись барханами.

Однако археологические находки показали, что в тех местах, где ныне находится бесплодная пустыня, тысячелетие назад существовали процветающие селения, к примеру Хара-Хото и более древняя Шанынаны, которая располагалась в сухом русле Конче-Дарьи неподалеку от Лоб-нора. Реки Синцзяна теперь потеряны в песках, но их русла доходят до реки Тарима, что наводит на мысль об их былом многоводье, а остатки поселений вдоль берегов сухих русел позволяют произвести датирование этого усыхания историческим периодом. Легко догадаться, что перед усыханием происходило интенсивное увлажнение, тоже в сравнительно недавнее время, в первые века до н. э., когда хуннами были населены центральноазиатские степи. Неверна распространенная точка зрения, что хунны представляли из себя дикое племя, которое жило за счет постоянных ограблений народов проживавших в окрестностях. Как и любой другой прошедший через века народ, хунны пережили ряд сложных преобразований, среди которых были как периоды мирного расцвета культуры, так и эпохи войн, преимущественно носивших оборонительный характер, но иногда и наступательных. Тяжелейшими были противостояния с империей Хань, которая стремилась распространить свое влияние над всей Азией. Перевес сил было явно не на стороне хуннов, однако им 300 лет удавалось отбивать натиск противника. Из этого можно сделать вывод, что был некий фактор, который уравнивал силы. Известный историк I в. до н. э. Сыма Цянь предполагал, что этим фактором является кочевой быт [27].

Кочевой быт сложился в Центральной Азии в начале первого тысячелетия до н. э., и во времена хуннов (III в. до н. э.— V в. н. э.) находился на подъеме. Во всем наблюдался технический прогресс. Примитивная телега на обрубках древесных стволов, которую могла быть сдвинута только запряжкой волов, была заменена на телегу на колесах. На место шалашей из древесной коры пришла войлочная юрта, которая была способна как согреть в холода, так и спастись от

жары, будучи при этом просторной и портативной. Было улучшение породы лошадей, и вместе с маленькой и выносливой сибирской лошастью хуннами были разведены высокие, резвые коней, подобные арабским. Одежда хуннов — кафтан с широкими штанами — были переняты китайцами и римлянами, а в V в. в Константинополе последним пиком моды были хуннские причёски. Хуннское хозяйство было завязано на использовании лесостепного ландшафта [11]. Для них были одинаково нужны как сухие степи, на которых скот смог бы добыть себе пищу во время зимы, так и лесистые горы. Они использовали дерево для изготовления телег и остовов юрт, а также для создания стрел. Так же, в горных лесах гнездились степные орлы, чьи перья использовались для опушки стрел. Перелески позволяли скоту укрываться во время буранов, а так же служили пастухам источником дров, тогда как кизяк был засыпан снегом. Присутствие в Монголии горных хребтов — Хангая, Хэнтея, Монгольского Алтая — имело большое влияние на хуннское хозяйство, и как следствие, на своеобразие хуннской Культуры [22].

Но данное сочетание ландшафтов зависит как от рельефа, так и от степени увлажнения. В ситуации долговременной засухи площадь горных лесов сокращается, так же как и площадь степей, но в то же время растут каменистые пустыни, где нет какой либо жизни. В такие периоды отмечается сокращение населения и падение могущества кочевых держав. Подобное явление можно пронаблюдать, рассмотрев историю хуннов. В IV—I вв. до н. э. хунны обитали на склонах Иньшаня. Им этот район ценился очень высоко, так как, судя по описаниям географов I в., в этих горах, полных лесов и травы, было изобилие птиц и зверья. В наше время Иньшань изменился: по большей части преобладают равнины, пустыни, можно встретить холмы и ущелья; на севере же большая часть площади занята песками. Северная часть плато является каменистой пустыней, среди которой можно встретить невысокие горные хребты, с отсутствием травянистого покрова. Похожее различие можно найти в описаниях Хэси, степи между Алашанем и Наньшанем [12].

Эти описания могли бы вызвать сомнения, если не были скорректированы цифрами отнятого у хуннов скота. И эти цифры не вызывают недоверия, так как китайские полководцы, сдававшие добытое добро чиновникам, могли утаить лишь часть добычи, но никак не завысить её количество в цифрах. Неудачные набеги на хуннов, когда последним не удавалось отойти, добыча могла исчисляться тысячами голов скота. Удачные же набеги приносили сотнями тысяч голов скота. И речь идёт о местности, которая ныне является пустыней [15].

Очевидно, две тысячи лет назад площади пригодных для пастбищ территорий, а соответственно, и ландшафт, были отличными от современных. Помимо этого, усыхание степи происходило уже во II—III вв. н. э. и имело своё отражение на державе хуннов, которая ослабла и погибла. Разумеется, для падения кочевой империи было немало других внешнеполитических причин, но их было не больше, чем всегда, ведь до 90 г. хунны удерживали превосходство в степи. Когда же стали сохнуть степи, а вместе с этим вымирать скот — господство хуннов подошло к концу.

Теперь взглянем, совпадают ли другие объективные физико-географические показатели с данными наблюдениями? Не возникает ли противоречий? Для проверки взглянем на Каспийское море.

В IV—II вв. до н. э. уровень Каспийского моря был достаточно низким. Полевые исследования Л.Н. Гумилёва в 1960 г. выявили, что на территории Калмыкии, которая при положительной отметке моря была бы покрыта водой, на поверхности земли лежат палеолитические отщепы. Это позволяет сделать заключение о том, что за последние 15 тысяч лет уровень Каспия не достигал такой высокой отметки [10].

Первыми научными исследователями в районе Каспийского моря, Аристобулом и мореплавателем Патроклом, было установлено, что уровень Каспия был в те времена очень низким, при том, что воды Аму-Дарьи протекали в Каспийское море через Узбой. Это становится понятно по тому, что при впадении

Аму-Дарьи в Каспий существовали водопады, а, значит, абсолютная отметка моря находилась ниже той что есть сейчас, в наше время.

Именно об этом писал историк VI в. Иордан, автор истории готов. Он пишет, что существует другой Дон, который, начинаясь в Хриннских горах на Памире, впадает в Каспийское море. Однако его данные для VI в. могли уже быть устаревшими. Взятые из источников I—II вв., эти данные, скорее всего, отражают ситуацию, актуальную в эти века, но именно это нам и нужно. Приток воды в Каспий через Узбой мог быть весьма небольшим и очень непостоянным. Вода из Аму-Дарьи могла попасть в Узбой только пройдя через Сарыкамьшскую впадину. Площадь Сарыкамьшской впадины вместе с впадиной Асаке-Аудан настолько велика, что испарение там должно быть очень велико. Это даёт объяснение, почему русло Узбоя по своим габаритам было способно пропустить не более 100 куб. м в секунду. Этого количества воды определено недостаточно, чтобы поднять уровень Каспия.

На карте Эратосфена, которая была составлена во II в. до н. э., весьма точно показаны контуры Каспийского моря. Его Северный берег располагается южнее параллели 45°30'. Данная широта приблизительно проходит через Керченский полуостров. Такие контуры Каспийского моря соответствуют береговой террасе (которая на сегодняшний день находится под водой) на абсолютной отметке минус 36 м (имеется в виду отметка тылового шва террасы, выше которого поднимается уступ более высокой террасы). Действительно, Узбой в это время впадал в Каспийское море, так как его продолжение — русло Актам — ныне заметно и прослеживается по дну моря на абсолютной отметке минус 32 м. Если бы это русло было более древним, то оно не могло бы так хорошо сохраниться, а было бы занесено эоловыми и морскими отложениями. В более позднее время Каспийское море столь низко не опускалось, и предпосылок для эрозии не было[14].

В итоге, мы можем сделать вывод, что при сравнительном полноводье Аму-Дарьи уровень Каспийского моря в IV—II вв. до н. э. имел отметку не выше

минус 36 м. Это означает, что по предложенной Гумилёвым и Алексиним климатической схеме в данную эпоху происходило интенсивное увлажнение аридной зоны. Эти соображения подтверждаются историей. Во II в. до н. э. хунны занимаются земледелием в Джунгарии. Военные записи Китая сообщают об огромных стадах, которые хунны пасли в пределах Монгольского Алтая. Царство Кангюй, что располагалось на востоке Казахстана, тоже описывается как богатое скотоводческое государство, которое могло выдвинуть 200 тыс. всадников. Река Чу, судя по карте тех времен, вытекает из Иссык-Куля и впадает в широкое озеро; на сегодня Иссык-Куль не имеет сообщения с рекой Чу, затерявшейся среди песков и солончаков. Все эти факты указывают на повышенную увлажненность и относительную плотность населения этих районов в те времена [29].

Однако дни этой богатой культуры подошли к концу. Во II в. до н. э. путь движения циклонов сворачивает на север. По этой причине растут альпийские ледники, вследствие чего снижается проходимость альпийских перевалов. Племенам кимвров и тевтонов, чьим местом проживания некогда служили низовья Рейна, пришлось оставить родные места из-за наводнений, и впоследствии встретить смерть от мечей легионеров Мария. В начале I в. н. э. хуннское могущество было сломлено из-за погибшего земледелия и сократившегося скотоводства [19].

Но не станем останавливаться на перипетиях трагической борьбы окруженного врагами народа и повнимательнее взглянем на расселение потомков богатырей степи. Хуннский народ разделился на четыре ветви, одна из которых осела вдоль берегов Хуанхэ и заняла предгорья Алашаня, где было изобилие воды. Другая же предпочла остаться у берегов Селенги и на границе таежной зоны Забайкалья. Третья избрала своим укрытием склоны Тарбагатая и Джунгарского Алатау, рядом с ручьями, питаемыми горными ключами, а четвертая решила отступить к берегам Урала и Волги, и, смешавшись с уграми, обернулась теми, кого мы называем «гуннами». Эта последняя группа

перебралась сквозь степь современного Казахстана, которая тоже не избежала иссушения, не из желания найти траву и воду, а пытаясь спастись от жестокого врага — сянбийцев (древних монголов). В общем их перемещение от Тарбагатая к Волге произошло примерно в течение трех лет, в следствие чего ими не было оставлено каких либо археологических остатков по пути следования. Фактически это были остатки отступающей армии, терявшей обозы, раненых и ослабевших. «Ослабевшим» пришлось временно скрываться на среди гор Алтая и в дальнейшем им удавалось неоднократно удивлять Азию своей доблестью. Что же до тех «неукротимых», которым, добравшись до Волги, удалось оторваться от противника, ими было положено начало нового большого народа, завоевавшего в V в. пол-Европы, гуннов [15].

А что же тем временем происходило в степи современной Монголии? Какими племенами и народами пришлось заселить некогда принадлежавшие хуннам склоны Хэнтея и Монгольского Алтая? Судя по малому количеству сведений из источников, эти места находились в запустении. Однако не достаточно обнаружить факт, необходимо дать ему объяснение, и в этой ситуации нужно прибегнуть к помощи физической географии. В результате Палеонтологических исследований Центральной Азии установлено, что усыхание степей было прервано периодом увлажнения в течение сравнительно недавнего времени. Силами Исторической науки этот вывод находит подтверждение, и есть возможность уточнения даты указанного увлажнения.

Путешественники отмечали густую заселённость монгольской степи. На это надо смотреть с той точки зрения, что развитие скотоводства лимитируется наличием пресной воды, т. е. сколько можно напоить из имеющихся родников скота, столько его и содержится. Если где-то можно найти лужу воды — рядом можно обнаружить юрту и пасущихся овец. В том случае, если источник иссякнет, скотовода ждёт либо смерть, либо исход из родной страны, поскольку в то время перейти к искусственному орошению степей было технически невозможно [19].

Из вышесказанного следует, что переселения кочевых народов от середины к окраинам степи должны совпадать с эпохами усыхания.

Данное явление можно пронаблюдать во II—III вв. н. э. Хунны не стали возвращаться в родные края; тоба перекочевали от берега Кэрулэна к берегу Хуанхэ; зачали зелёные оазисы «Западного края»; овладевшие степью сяньбийцы не стали её заселять, а распространились вдоль южной окраины Гоби до Тяньпаня. Конечно, возможно подобрать объяснение каждому упомянутому отдельно, но не всей их совокупности, хронологическому совпадению и уникальности ситуации. Даже если это всё-случайности, в сумме они становятся закономерностью [26].

Л. С. Берг, отметив несвойственную для бессточного среднеазиатского озера низкую солёность Балхаша, выдвинул предположение о том, что Балхаш когда-то высыхал и снова наполнялся водой, после чего не успел стать солёным. Имеющиеся данные дают возможность датирования высыхания большей части Балхаша в III в. н. э. На одной из китайских карт времён эпохи Троецарствия (220—280 гг.) указано маленькое озерцо, расположение которого соответствует наиболее глубокой точке Балхаша.

Во время этой эпохи наблюдается значительное сокращение населения степей, усунь отходят к горному Тянь-Шаню; пришедшие на их место потомки хуннов - юебань - заселяют склоны Тарбагатай, а богатый в былое время Кангюй исчезает. Для ослабления упомянутых народов не отмечено ни одной внешнеполитической причины, что позволяет предполагать то, что решающую роль в этом сыграл физико-географический процесс аридизации климата. В тот же период отмечается обмеление Аральского моря.

Однако в середине IV в. на север приходят теле (предки уйгуров), обретают своё место проживания жужани, немногим позже в те места приходят Ашинские тюрки, и все они не ощущают дискомфорта в столь тесном пространстве. Ведётся борьба за контроль власти, а не за территорию, таким образом [9]. Сам характер

противостояния, который был определён к концу V в., говорит о росте населения, хозяйства, богатства и т. д.

Переселение беглецов (жужани) и разобщенных племен (теле) стало возможно в момент появления свободных, незанятых пастбищ. В иной ситуации аборигенами был бы дан такой отпор пришельцам, который не мог быть не замечен в Китае и, соответственно, должен был быть отмечен в хрониках. Однако там есть информация о переселении, и нет никаких упоминаний военных столкновений, следовательно, их происходило, т. е. жужанями и теле занимались пустующие территории. И при отмеченном полном использовании пастбищ кочевниками нужно допускать возникновение новых лугов и пастбищ, что было следствием произошедшего увлажнения [5].

В соответствии с концепцией Гумилёва и Алексина, усыханию аридной зоны в III в. н. э. должен был соответствовать столь же резкий процесс увлажнения гумидной зоны. Но, к сожалению необходимых географических свидетельств в отношении северных стран не осталось. И всё же был один факт, подтверждающий их догадки. В III в. н. э. готы покинули южную Скандинавию, переместившись к южному берегу Балтийского моря, к устью Вислы, откуда отправились к среднему течению Днепра, Припяти, и распределились по лесостепям восточной Европы, одновременно подчиняя степную территорию аж до Черного моря. Зная о тесной связи готского хозяйства и условий гумидного северного ландшафта, можно предположить, что в III в. ландшафт заселенной готами местности, был весьма влажен и не имел сильных отличий в сравнении со скандинавским.

И действительно, в этот временной период отмечаются перевозки огромных партий хлеба, который потребляла Восточная Римская Империя, из Восточной Европы, через греческие порты Ольвию, Херсонес и другие. Значит, циклоны проходили над центральной частью Восточной Европы, что могло стать причиной увлажнения бассейна Волги и повышения уровня Каспийского моря. Если это предположение верно, то в лесной зоне ранее происходил процесс

усыхания, и Волга была весьма не полноводна. По этой причине большая часть современной дельты выглядела как собой холмистая степь, которую населяли те же кочевники что и вокруг нее. Основным притоком Волги являлась Ахтуба и ее продолжение Бузан. Вероятно, она впадала в уральскую западину, что соединялась с Каспийским морем узким протоком [12].

Во II в. начался процесс усыхания степи, достигший своего пика в III в., и соответственно отмечается повышение увлажнения в зоне лесов. В течение этого периода Каспийскому морю удалось подняться до отметки минус 32—33 м. Волга вмещала такие количества воды, которые русло в то время вместить не могло, от чего и образовалась дельта современного типа. На месте сухих степей вырастали луга, полные ив, камыша и чакана. На юге дельта протянулась до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака), от которого была отделена узким протоком из уральской западины. Гунны вытеснили сарматов с берегов Волги в III в. н. э., которые тоже не задержались в волжской дельте. В V в. в эти места приходят болгары, победившие гуннов, однако при занятии степи они оставляют дельту без внимания. Начавшийся в IV в процесс увлажнения степей сыграл свою роль в расстановке политических сил, как и минувшая эпоха усыхания. В местах, где раньше была хуннская родовая империя, начинается история великого тюркского каганата. Тюркютами была создана держава, превосходящая по обширности и силе хуннскую. С 550 по 580 г. ими была подчинена степь от Великой китайской стены до Дона, а так же присоединены согдийские города до берегов Аму-Дарьи. Они вошли в соприкосновение не только с Китаем, но и с Ираном и Византией. Собственно говоря, с VI в. началась эпоха мировой политики [22].

Такой огромной стране с большим разнообразием населения была необходима исключительно гибкая и крепкая государственная система. Система тюркютов, носившая название «эль», соединяла в себе военную и демократическую формы организации — орды с племенными союзами. Какой-то период времени единству державы удавалось сохраняться, однако в 603 г. она разделилась на Восточный и Западный каганат, из которых подробного рассмотрения требует Западный.

В Западном каганате тюркюты являли собой абсолютное меньшинство населения. К этому племени принадлежал ханский род, а так же некоторые дружинники с семьями. Это меньшинство господствовало над могучим храбрым многочисленным племенным разнообразием и богатыми культурными согдийскими городами. Подданными тюркютского хана были свободолюбивые телесские племена Джунгарии, кангары, которые проживали в Приаральских степях, и позже ставшие широко известными как печенеги, племена болгар, живших в степях Северного Кавказа, барсилы, проживавшие меж Терека и Волги, и хазары. Тем не менее, всеми перечисленными народами династия поддерживалась, что являлось причиной её существования вплоть до 659 г. Судя по всему, слабое правительство вызывало куда меньше недовольства, чем неизбежность постоянных межплеменных войн в случае отсутствия какой-либо власти. Однако решающую роль сыграло нападение с двух сторон: арабское вторжение в Согдиану и китайский захват бассейна Тарима и Джунгарии, в результате которых был захвачен последний хан. Членами его рода, которым удалось перебраться в Хазарию, была сыграна своя роль при возникновении Хазарского каганата [19].

Из всего перечисленного становится понятно, что в VI—VIII вв. степь обеспечивала жизнь кочевникам. Однако не только по этим соображениям можно считать тюркютское время эпохой повышенного увлажнения. Контуры озера Балхаша на одной из китайских карт IX в. напоминали впадину бассейна, вмещающего и озеро Алакуль. На той же карте можно заметить, что реки Сарысу и Чу, ныне потерянные среди песков и солончаков, образовывали обширные озера, которые соответствуют современным сухим углублениям. В таком случае, дельта Волги и долина Дона стали райскими садами, что стало оптимальными природными условиями для подъема культуры населявших эту местность народов [22].

Именно этот период времени и при данных условиях произошло возникновение двух могучих народов: болгар и хазар. Их культуры обладали

многими общими чертами, однако болгары - степняки, скотоводы, охотники на волков и лисиц, а хазары — обитатели речных долин, земледельцы, рыболовы.

Дальше в гипотезе Гумилёва и Алексина был пробел. Каковы были изменения между VII и XIII вв., им было не известно, и эта эпоха осталась под вопросом. Но в конце XIII в. многие современники отмечают подъем уровня Каспийского моря. Итальянский географ Марино Сануто в 1320 г. писал, что море с каждым годом прибывает, и уже многие хорошие города уничтожены. Действительно, персидский порт Абаскун был залит морем в 1304 г. Персидские авторы XIV в. объясняли небывалый подъем Каспийского моря тем, что Аму-Дарья, изменив свое течение, стала впадать в Каспий и «по необходимости вода затопила часть материка для уравнивания прихода и расхода». Как мы уже знаем, изменение уровня происходило совсем по другим причинам, и поэтому можем представить себе климатические условия в начале XIV в. Всё низовье Волги выжжено жарой, а верховья Волги залиты дождём; татарская скотина погибла от нехватки корма, на Руси сгнивал хлеб; степи становились пустынями, леса — болотами. Даже последнее пристанище людей — дельта и пойма Волги были залиты водой и только бэровские бугры поднимались над поверхностью мелкого моря, словно архипелаг маленьких бесплодных островов. Воды поднимались до отметки минус 19 м [21].

В 1556 г. у правого берега Волги русскими построена Астрахань. Глядя на высоту валов, что окружали город, было установлено, что абсолютной отметкой уровня моря была минус 26,5 м. Наблюдается снижение уровня моря за 200 лет на 7,5 м. Это означает, что верховье Волги находилось на этапе усыхания, однако в то же время отмечено и интенсивное усыхание степей. Именно в это время населением было оставлено много городов в низовьях рек, которые стекали с Куэньлуня и Наньшаня. Целыми племенами кочевников был покинут родной степной край, причём уходили они не ради завоевательных походов и грабежа, а ради поиска водопоя и пастбищ. Китайскими географами XVII в. был описан приход в движение всей Монголии. Много монгольских родов и племен

рассеялось с целью отыскать воду и хорошие пастбища, из-за чего их войско не составляло единого целого. В этот период наблюдается ослабление всех степных народов, кроме ойратов, которые пользовались горными долинами Алтая, Тяньшаня и Тарбагатая, в которых находились как ледниковые, так подпочвенные воды. И если процесс усыхания охватил леса и степи, следовательно, увлажнение приходило Арктику. За XV—XVII вв. русские поселенцы освоили подавляющую часть севера, селясь вдоль берегов рек и от того не испытывая дискомфорта который могла доставить заболочивающаяся тундра. Север постепенно становился центром, в котором сосредотачивалась вся хозяйственная деятельность [22].

Однако ситуация меняется ко второй четверти XVIII в. Каспийское море поднимается, и к 1804 г. достигает отметку минус 22,3 м. Это означает, что максимальное количество дождей стало выпадать в бассейне Верхней Волги, хотя и не столь интенсивно, как в XIII—XIV вв. В таких условиях самым удобным районом стали североукраинские степи, верхний Дон, Средняя Волга. За короткий промежуток времени там появилось много деревень и станиц. В начале XIX в. уровень Каспия начинает медленно снижаться, и происходит постепенное таяние Арктических льдов. Возникал вопрос: какой оборот изменение климата примет в дальнейшем? Но на тот момент прогноз дать не удалось, так как изложенное являлось ещё пока не встречающей противоречий, но и не проверенной до конца гипотезой [21].

В целях подтверждения данной гипотезы с 5 по 29 августа 1961 г. состоялась Третья экспедиция. Её результатом стало заполнение белого пятна предложенной ранее историко-климатической схемы — промежуток между VI и XIII вв.

За этот период времени Каспийское море поднималось дважды: в X в. на 3 метра и в XIII—XIV — на 10 метров. Оба подъёма совпадали с изменениями направлений движения циклонов и, соответственно могли иметь отражение в судьбах европейских и азиатских народов. В X веке наступает период расцвета мореплавания викингов. С невероятной простотой, которая была бы невозможна

в какую либо другую эпоху, норманнами осваивается Исландия, побережье Гренландии, которой в 986 г. они дали название «Зеленая страна», а так же ими проведено освоение Ньюфаундленда. И в тот же период времени, таким же неорганизованным и стихийным образом, кочевые племена покидают сухие степи современной территории Казахстана и уходят к югу и к западу. В конце IX в. печенегами покинут берег Аральского моря, и они перемещаются к южному Приднепровью; по их следам идут тюрки и гузы, которые распространились между Волгой и Уралом. Это было не самое масштабное выселение, однако оно является показательным, поскольку совпадает с подобным небольшим изменением уровня Каспия, что является подтверждением принятой Гумилёвым гипотезы. Однако нет никакого основания для связывания этих передвижений и каких-либо крупных политических событий, поскольку в тот же временной период в землях Восточной Монголии, что лежат вне пределов влияния атлантических циклонов, картина истории уйгуров выглядела совершенно противоположно[10].

Уйгуры, по мнению Гумилёва, интереснейший народ Центральной Азии. К середине IV в. они распространяются от предгорий Наньшаня на всю Великую степь от Орхона до Иртыша. Противоположно жужаням и тюркютам, уйгурам и родственным им племенам был свойственен мирный труд скотоводов и восприятие культур других народов. Одновременно с этим за ними замечены постоянные проявления исключительного мужества, искусность в стрельбе из лука, и мастерские неожиданные набеги на соседей. Управляли ими не ханы, а выборные старейшины, которые не стесняли их свобод. Тем не менее, несмотря на все свои блестящие качества, уйгурам долгое время приходилось быть подчинёнными древним тюркам, «геройствовавшим их силами в пустынях севера», что было уйгурам не по нраву. Предпринятая уйгурами в VII в. попытка к освобождению увенчались провалом, однако природа и время пришли им на помощь. Наступление обильного увлажнения степей позволило расширить пастбищные площади и, как следствие, увеличить поголовье скота. Пока тюрки

были заняты добычей боевой славы в походах, уйгуры в свою очередь богатели и множились. И в 744 г. в момент удара регулярной армии империи Тан по тюркскому каганату, уйгуры поддержали Танцев и одолели древних тюрок, чем заслужили столетие господства в восточной части степи [11].

Период с 745 по 840 г. стал плодотворным для развития культуры центральной Азии. Уйгурами строились города, продвигалось земледелие, приглашались грамотные учителя из Средней Азии. И лишь китайские культурные ценности были не впитаны, предпочтение отдавалось китайским ресурсам, таким как шёлк.

Однако вековые привычки племенного самоуправления толкнули уйгуров к ограничению центральной власти. В начале IX в. Уйгурские ханы являлись куклами, которых контролировали племенные вожди, склонные к распрям и изменам, одной из которых не преминули воспользоваться енисейские кыргызы. В 840 г. они заняли столицу Уйгурии и принудили большинство уйгуров искать спасение в южной части пустыни Гоби [8].

На западе тем временем произошло усиление народа, который до недавнего времени бы немногочислен и слаб — кипчаки. Их родиной являлись западные склоны Алтайских гор, так что процесс усыхания степей практически не затронул их хозяйства. По этой причине ими было занято пространство, покинутое карлуками, печенегами и гузами, и когда в XI в. степи заполнились зеленью, то они стали значиться в персидских записях не иначе как «кипчакскими». Этот народ, венграми именуемый «куманы», а русскими — «половцы», сумел без особых усилий отеснить к западу своих ослабленных засухой соседей [25].

Хазария попала в осаду. С северных высыхающих степей, приближались кочевники, которых гнали голод и жажда. При перемещении они делились на мелкие группы, неуловимые для латников наемной гвардии хазарских правителей. У этих отрядов не хватало сил для взятия городов или вторжения в

населенную дельту, однако им удавалось блокировать хазар, что сделало их по факту господами степей.

С юга неумолимо приближалась морская вода, постепенно заливая плоский берег, становясь погубелью для посевов и садов, приливами разрушая целые деревни. На момент середины X в. большая часть хазарских территорий находилась под водой, что вынуждало жителей тесниться на склонах бэровских бугров в центральной дельте, очень близко друг к другу [21].

В результате увеличения уровня вод Волги, русским ладьям начало удаваться пробраться сквозь протоки дельты в Каспийское море. Хазарское правительство безрезультатно пыталось этому помешать. Один русский отряд был хитростью уничтожен в 913 г., однако уже второй, более настороженный, беспрепятственно прошел туда и обратно через сердце Хазарии в 943—944 гг., и, в конце концов, киевский князь Святослав Игоревич в 965 г. одним походом поставил на колени обессиленную державу. Уцелевшим от поражения хазарам пришлось обратиться за военной помощью в Хорезм, и получили ее через обращения в ислам, однако былую силу восстановить не удалось, так как они по-прежнему с двух сторон были окружены засухой и морем [25].

Когда же в конце XIII в. уже вся их страна была покрыта морем, остатки народа растворились в этническом многообразии Золотой Орды и превратились в астраханских татар. На этом история Хазарии закончилась.

Вот такую картину можно узреть с помощью исторической географии. И именно в этот момент Л.Н. Гумилёв обратил внимание на раздел этнографии, рождённый в советской науке и носивший название этногенез, задачей которого является найти ответ на вопрос, как возникали и как исчезали народы и куда девались их потомки. В случае с двумя составными частями хазарского народа всё просто; Евреи, избежав мечей дружины Святослава, ушли из страны, мусульманская же часть подружилась сначала с властями Хорезма, а потом и с ханами Золотой Орды, впоследствии растворившись среди волжских татар.

Языческое население либо приняло ислам, либо крестилось в греческую веру. Но куда делись христиане, коих на родине хазар было большинство?

Имеющиеся данные показывают, что взаимоотношения хазар и русов были оживленными и тесными. Значит нужно искать потомков хазар под другими именами.

В средневековье люди разделялись не по национальной принадлежности, а исповедуемой вере. Хазарские христиане чуждались язычников русов и славян. Но в 988 г. на Русь пришло христианство. В тот момент исчезают последние причины для споров хазар и русов, которые соприкоснулись друг с другом в долине Дона. Православный канон запрещает брак с иноверцами. Вместе с крещением Руси у хазар и русов появляется возможность создавать семьи без всяких преград [31].

В 1117 г. русские покинули Белую Вежу. Но среди лесов в долине Дона уцелели и сохранились представители местного населения, получившее в XII в. прозвище — «бродники».

Языком бродников был русский, верой - православие, однако летописцы того времени всегда разделяли бродников и русских, считая их двумя разными народами. Увы, прямые сведения о происхождении бродников отсутствуют.

Возможно ли, что хазары слились с половцами, которые окружали их поселения со всех сторон? Нет, потому что кочевое хозяйство половцев было непривычным для хазар, и потому что хазары и половцы имели разное вероисповедание, а как мы уже упомянули, хазары не могли заключать брак с иноверцами. Зато слиянию хазар и русских не имело препятствий [25].

Исходя из вышесказанного, Гумилёв приходит к выводу, что Бродники являлись народом, имеющим русско-хазарское происхождение, наследниками древних хазар. В войнах киевских князей против половцев, бродники выступали союзниками Киева, но когда киевляне заключили союз с половецким ханством, бродники отыскивали союзника в лице монголов и оказали поддержку Субутайбагадуру в битве при Калке в 1223 г. Золотоордынские ханы высоко оценили

предоставленную помощь и оставили бродников спокойно жить в долинах Дона и Терека. С XVI в. потомки бродников называются тюркским словом — казаки.

Общепринято мнение, что казаки — это русские крестьяне, что сбежали на Дон от ужасов опричнины. Верно и то, что большая часть казаков возникла именно таким образом. Но приходящие на Дон беглецы попадали не в пустыню. Похоже, что на Дону были территории, попав в которые можно было спокойно приспособиться к новым условиям и осваивать новый образ жизни. Это означает, что в период с XIII по XVI в. эту местность была населена потомками бродников, воевавших со степью и которым было необходимо пополнение. Поэтому они и принимали в свою среду единоверцев, обеспечивая им на первое время приют, выучку и безопасность от ногайских мурз и русских бояр [29].

Что же мы видим? Меняются народы, но соотношение между ними и климатом постоянно. Эту константу можно считать подтверждением климатической теории Гумилёва.

3 ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНОВ ПО Л. Н. ГУМИЛЁВУ

Взаимосвязь человека с окружающей его географической средой никогда не вызывала сомнений, не смотря на то что разные учёные по-разному расценивали степень этой зависимости. Так или иначе, невозможно отрицать тесную связь хозяйственной жизни народов, что населяют и населяли Землю, с ландшафтами и климатом населенных территорий. Какое влияние оказывается географической средой на людской быт? Насколько род людской является частью биосферы? Какие именно отрасли человеческой деятельности попадают под влияние географической среды, а какие не попадают?

Известно, что природной формой существования вида *Homo sapiens* является этнос, и ключевые различия этносов между собой определяют не раса, язык, религия или образованность, а стереотип поведения, являющийся высшим показателем активной адаптации человека к ландшафту. Причиной удивительного этнического разнообразия антропосферы является разнообразие ландшафтов. А так как этнические карты составлялись с давних времён, то в них отражено разнообразие типов поведения, а значит, и ландшафтов. Стереотипы поведения способны меняться как в пространстве, так и во времени. Что есть этногенез? Согласно В. И. Вернадскому, это последствие негэнтропийного импульса, т.е. кратковременного толчка (вспышки) энергии живого вещества биосферы. Результатом этого толчка является появление пассионарности — рецессивного признака, который рассеивается в течение полутора тысяч лет. Наши органы чувств не способны его воспринять, поэтому обнаруживается он лишь изучением его всевозможных последствий. Подобное явление не может быть обнаружено современниками, однако может быть замечено историками, использующими этнологическую методику [8].

И в этом случае этнолог употребляет историю не как гуманитарную науку, а в качестве вспомогательной естественнонаучной дисциплины, позволяющей

обнаружить скопления событий и их распространённость по различным местам ойкумены, таким образом, фиксируя неоднородность течения времени в жизни этносов. Разнообразие исторического времени в рамках одного этногенеза зависит от сочетания двух причин: 1) величины и направления изменения пассионарного напряжения, которое может или возрастать, или снижаться, и 2) контактов с соседями, как дружественными, так и вражескими.

В процессе этногенеза возможно наличие двух состояний: инерции пассионарного толчка, фиксируемой историками в виде череды событий, и неустойчивого равновесия или гомеостаза, наступающего после истечения инерции [2].

Тем не менее, и в процессе гомеостаза происходят постоянные изменения, потому как нет никого кто жил бы абсолютно одиноко. Воздействие окружающей среды заметно на этносах, сопротивление среде у которых ослабла ввиду утраты силы первоначального импульса. Если ограничивать свои наблюдения короткими отрезками исторического времени на малой территории, можно ошибочно наблюдать лишь структурированный застой. Изоляты так же подвергаются воздействию губительной силы времени.

Раз уж все закономерности этногенеза находятся в природе, и у нас нет возможности их произвольного изменения, то кому могут понадобиться методы такой науки? Заслуживает ли она траты времени и сил? Невозможно отрицать того, что процессы этногенеза в сравнении с возможностями человека столь грандиозны, что любая попытка их исправления бессмысленна, однако это не означает, что они не заслуживают внимания.

Циклоны, что несут дожди и снега, и антициклоны, приносящие засуху, являются процессами географическими. У людей нет возможности повлиять на эти явления, однако явления эти оказывают на людей очень сильное влияние, особенно в областях хозяйства, земледелия и скотоводства. По этой причине метеорология необходима для хозяйственного прогнозирования. А сейсмография, что предупреждает о возможных землетрясениях и цунами, также изучает

предметы вне человеческой досягаемости, но не теряющих свою важность. Метеорология, климатология и тектоника не вызывают сомнений в своей практической пригодности [7].

Этногенез тоже является статистическим природным процессом, проходящим в течение более тысячи лет, считая от негэнтропийного импульса до затухания инерции, который оставляет после себя ряд последствий не менее серьезных, чем наводнения и извержения вулканов.

Нельзя считать евразийский континент монолитом, поскольку он точно делится на части природными барьерами. Пусть ареалы этносов могут и не совпасть с физико-географическими районами, последние всё-таки имеют определённое значение. Западную часть Евразийского континента, которую омывают Средиземное и Северное моря, от холодной Восточной Европы отделяет невидимая, но крепкая граница — положительная изотерма января [12].

Что до сухих и жарких районов Переднего Востока и Северной Африки, они так же представляют собой ландшафтную целостность, ограниченную Сахарой на юге и пустынями Средней Азии на востоке. Независимым можно считать положение, занимаемое гористым районом, что тянется от Адриатического моря через Малую Азию до Закавказья. Место пересечения этих трех больших регионов стало районом возникновения этнических контактов.

В Испании и Сицилии романо-германский суперэтнос встречался с арабоберберским, и в тех местах имела место многовековая война христианства с мусульманством.

В Малой Азии, на Крите и в Закавказье шла борьба византийского православия и воинственного ислама, и успех не был достигнут ни одной из сторон.

В Южной Италии и на берегах Адриатического моря между ещё не разделёнными православными и католиками происходили земельные споры, в которых обе стороны не хотели уступать того, что считали своим по праву. Южная Италия и Крит временно были захвачены мусульманами — берберами, а

югославянский этнос разделился на православных Сербов и католиков Хорватов. Но споры за господство в средиземноморском бассейне велись догматами религий, а этнопсихологическими настроениями.

Мусульманский суперэтнос и связанная с ним культура на восточной своей границе наткнулась на горцев Гиндукуша, оставшихся огнепоклонниками, и на степных кочевников. Она замкнулась здесь на естественных границах ландшафтных регионов.

В области Пенджаба и Синда уже в XII в. происходили контакты индийцев, арабов, афганцев и тюрок. Природный барьер не защитил Индию от прихода иноземцев [8].

Внутренняя часть Евразии, простиралась от Китайской стены до Карпат, включая степную, лесостепную и лесную зоны. В этих местах контакты происходили в венгерской степ на западе и Западной Маньчжурии на востоке. Так же с юга к этому региону примыкали Тибетское нагорье и Семиречье, а Среднеазиатское междуречье рассматривать как район контактов.

Центральную часть Великого Евразийского континента ошибочно можно посчитать бесплодной и дикой страной, которая приспособлена к развитию самостоятельной культуры. Великую степь ограничивает с севера непроходимая тайга, а с юга - горные хребты. Эта географическая целостность, которую населяют разнообразные народы, обладающие хозяйственными различными навыками, религиями, социальными учреждениями и нравами, и, несмотря на это, всеми соседствующими народами ощущалось некое единство, хотя доминирующее начало так и не было определено.

Различия народов, что жили в этих районах, заключались не только в языках, обычаях учреждениях, но и отношении к природе и истории, к жизни и смерти, к добру и злу [21].

Выяснить сходства и различия данных этносоциальных районов возможно, если сравнивать их друг с другом, а так же изучать характеристики их взаимодействий. Однако синхронные сравнения не имеют смысла, поскольку

этнические процессы дискретны. Следует сравнивать начало процесса, середину и конец одного этногенеза с теми же процессами другого этногенеза, даже если эти фазы у разных этносов происходили в разное время.

Рассматривая историю Китая можно обнаружить такие же взлеты и падения, какие наблюдаются по всей территории ойкумены. По времени они не совпадают с пассионарными толчками в Средиземноморье и Великой Евразийской степи, что весьма полезно, когда рассматривается глобальный этногенез [24].

Рассматривая этническую историю Китая важен учёт пространственного и временного параметров. Первый можно определить, обращая внимание на условия адаптации к региону, имеющему четкие ландшафтные и климатические условия. Здесь этим регионом является область между двумя великими реками, Хуанхэ и Янцзы, которую обильно орошают тихоокеанские муссоны, климат которых настолько теплый, что на юге региона не выпадает снегов. Китайское население беспрепятственно распространялось на юг, потому как Джунгли юга Янцзы мало отличаются от прародины китайцев [29].

По-другому дела обстояли на западе и севере. На западе находится холодное, полное вечных снегов на своих вершинах, тибетское нагорье, разреженным воздухом которого невозможно дышать, не имея привычки. На севере было много бескрайних пустыни с сухими травами, тамариском и деревьями, что произрастали только на горных склонах. И та и другая сторона Срединной равнины были не самой привлекательной для китайского народа остановкой, в следствие чего древними китайцами была заселена лишь цепь оазисов у склонов Нанынана, и временно, осваивалась Люкчунская впадина, что лежала ниже уровня океана и имела свой особый микроклимат. И даже здесь китайские колонисты были вытеснены обитателями Великой степи, и был освоен Турфанский оазис. В ситуации, когда есть несхожесть географических условий, взаимосвязь этноса с ландшафтом становится особенно жесткой [12].

Так же важно рассмотреть хронологическую последовательность трёх известных витков этногенеза: архаического, древнего и средневекового. Не

исключено, что в XVIII в. было начало нового витка, но утверждать что-либо не представляется возможным из-за осложнения ситуации событиями маньчжурских завоеваний XVII века.

Начало архаического витка китайской истории можно датировать 2033 г. до н.э., однако это неточно. Те же данные датируют его конец 1066 г. до н.э. Последняя дата уточнена— 1027 г. до н.э., т.е. 1000 лет— оптимальный срок за который может произойти затухание пассионарного импульса. О Древнем периоде известно больше. Началом его было завоевание царства Шан племенем Чжоу, империя которых распалась на несметное количество княжеств. С 842 г. до н.э. Объединённый, обременённый политической и культурной раздробленностью, единый суперэтнос завоевателей и аборигенов, вступает в фазу подъема, который выражался укрупнением удачливых государств и повальным истреблением побежденных. Это привело к сокращению количества этносов, и на момент 403 г. до н.э. оставалось всего 7 этносов, которые находились в постоянной войне друг с другом. Вместе с пролитой кровью остывала и пассионарность системы. Казни побежденных, следовавшие после победы царства Цинь (221 г. до н.э.) снизили энергетический уровень оскудевшего этноса [24].

Тем не менее, у китайцев нашлись силы для свержения жестокого Циньского режима, и в 202 г. до н.э. эпоха Западной Хань становится началом инерционной фазы этногенеза. Это было время экономического и культурного расцвета, сопряженное с постоянным снижением пассионарности. Обскурация наступает к концу II в., а в 265 г. властями Цзинь загубленные страна и государство были отданы на растерзание северным и западным варварам, которые захватили северную часть страны в 318 г. На юге болезненные процессы продлились до 420 г., и в дальнейшем территория некогда великой империи обернулась мешаниной из 29 племен, враждующих друг с другом.

Далее новый пассионарный толчок проявляется в VI в. (555) и в этот момент берёт начало средневековый «Китай». В фазе подъема укрепились два новых

этноса: ассимилировавшиеся в Китае тюрки династии Тан и националисты династий Сунь и Сун. Представители династии Тан вели ожесточённые победоносные бои, распространяя по стране мировую культуру, вторые же, используя казни, интриги и народные восстания всеми силами пытались подорвать силы правительства, которое ими воспринималось как инородное. В результате череды кровопролитных столкновений шовинисты победили, и снова началась инерционная фаза, которую прервало завоевание Китая монголами [8].

Китайский этнос нашёл в себе силы для свержения немногочисленных завоевателей. Восстановление — империя Мин — длилось с 1368 по 1683 г., но конец этого периода ознаменовался фазой обскурации, что и дало возможность покорения Китая для маньчжуров. А ведь их было в 300 раз меньше, чем китайцев!

Таким образом, военно-политический успех и удачные завоевания обеспечиваются не только одним изобилием людей и средств. Немаловажную роль играет и процесс этногенеза. Гумилёв считает, что попытки Китая овладеть Азией были уничтожены самими китайцами, хотя они о последствиях своих поступков совсем не помышляли [24].

Северный берег Каспийского моря является страной без четкого географического разграничения. Низовья Волги с запада окружает ровная и бесплодная суглинистая степь, а с востока — высокие песчаные барханы, которые перемещаются ветром практически ежегодно. Как ни странно, среди песчаных барханов встречаются животные, что говорит о наличии растительности, и как следствие, возможностей для скотоводства, отличного от того, что было на равнинах Правобережья[29].

К западу от современного Каспия, находилась страна озер, или «подстепных ильменей». Вода в них была горько-соленой, и население этой страны не было многочисленно. Дальше на юге находится равнина, именуемая Черными Землями, так как зимой снег смешивается с пылью, в результате чего возникают черные вьюги. На юге степь ограничивается Терекком. Будучи широтной рекой, Терек

иногда размывал свои берега. Тогда масса вод вперемешку со сланцевым щебнем, движется к соседней долине. Это является главной бедой Терской равнины, избежать которой всё же не так сложно, так как вода разливается медленно, и есть возможность спокойно увести скот к предгорьям. Здесь жили предки хазар [22].

Устья рек, что впадали в Каспийское море, покрывали густые леса, что были резким контрастом на фоне степей, окаймляющих речные долины. На реках и побережьях отмечалось изобилие рыбы. Долины кормили своими травами скот, что давало возможность отказа от круглогодичного кочевания, поскольку вполне хватало перегонного скотоводства. Из чего следует, что хазары являлись оседлым этносом рыболовов и виноградарей, и, находившимся во враждебных отношениях с окружающими их степняками. Эта ситуация, которую выявляет соотношение ландшафтов и типов хозяйства, имела, место не только в средневековье, но и в древности.

Посреди Евразии простирается Великая степь, которую с севера окаймляет сибирская тайга, а с юга — горные хребты. Эта географическая зона делится на две отличные друг от друга части. Восточная часть, в которой расположились Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан, носит название Внутренняя Азия. От Сибири она отделяется Саянским, Хамар-Дабанским и Яблоновым хребтами, от Тибета её отгораживают Куньлунь и Нанынань, от Китая она скрывается по другую сторону Великой стены, точно проведенной меж сухих степей и субтропиков Северного Китая, а от западной половины - Горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тяньнань. Не смотря на жёсткую разграниченность региона, культурное воздействие всегда переходило через все границы [11].

В культурном ареале западной части Великой степи, вмещались не только нынешние территории Казахстана, но и степи Причерноморья.

Потоки атмосферы, что несут дождевые или снежные тучи, имеют свою закономерность. Циклоны с Атлантики влага доносится до горных барьеров, отделяющих восточную степь от западной. Над Монголией отмечается наличие огромного антициклона, не пропускающего влажные западные ветра. Он

прозрачен, поэтому легко пропускает солнечные лучи, что раскаляют земную поверхность. Поэтому зимой здесь малоснежные, травоядным животным легко добыть корм. Весной благодаря раскаленной почве размываются нижние слои воздуха, вследствие чего вторгаются потоки влажного сибирского воздуха и на юге воздух проникает тихоокеанских муссонов. Этой влаги хватает для постоянного роста травы и круглогодичного обеспечения скота кормом.

А сытый скот является залогом процветания людей. Именно в восточной степи возникли такие могучие народы как хунны, тюрки, уйгуры и монголы [19].

А на западе степи уровень снежного покрова может превышать 30 см и вдобавок ко всему образует прочный наст в периоды оттепели. В это время скот вымирает от голода. По этой причине летом скотоводы перегоняют скот к горным пастбищам, что является занятием для молодежи, в то время как старики заняты заготовкой сена на зиму. Даже у половцев отмечается наличие своих постоянных зимовок, т.е. оседлых поселений, и потому они попадали в зависимость от древнерусских князей, поскольку, не имея возможности свободного перемещения по степи, они были не в состоянии скрыться от ударов регулярных войск. Вот почему так различается быт западной и восточной половин Великой степи [20].

Однако в мире ничто не бывает постоянным. Направление циклонов и муссонов может иногда смещаться, и проходить не через степь, а через лесную зону континента, а иногда даже через полярную тундру. В этом случае территории пустынь Гоби и Бет-Пак-дала расширяются, оттесняя флору и фауну к северу близ Сибири, и к югу близ Китая. Всё живое покидает эти места в поисках пропитания, и трагичных этнических контактов становится куда больше чем плодотворных [29].

В течение последних двух тысяч лет вековая засуха приходила в Великую степь трижды: во II-III вв., в X в. и XVI в., и каждое её посещение приносило в степь запустение и смерть. Но стоило только циклонам и муссонам вернуться на

привычный путь, некогда раскалённая почва обрастала травой, служившей кормом для животных, а люд возвращался к привычному быту и жил в изобилии.

Однако важно следующее: ни культура, ни этногенез не ощущали влияния грандиозных стихийных бедствий. Они оказывали воздействие только на хозяйство, чем ослабляли государственную мощь кочевых держав в экономическом и военном отношениях, однако при восстановлении оптимальных условий жизни они реабилитировались. Именно по этой причине географическому детерминизму не удалось выдержать проверку фактами. Ведь если бы географических условий было достаточно для понимания феномена, то в историческом времени при сохранении устойчивого ландшафта не возникали бы никакие изменения, не появлялись бы новые народы, с новым мировоззрением, новыми эстетическими канонами. Отсутствовало бы и социальное развитие, поскольку для выпаса овец не требуется развитие производительных сил и смена производственных отношений. А там, где нет прогресса, начинается застой [15].

Однако на деле никакой застой в Великой степи даже не начинался. Развитие народов происходило там так же бурно, как в земледельческих районах Запада и Востока. Было много социальных сдвигов, и не похожих на европейские, но не уступающих в значимости, а в процессе этногенеза отличий от всего мира не было.

Не верно мнение, что кочевники не были способны к восприятию культуры и музыки. Вклад кочевников Великой степи в историю и культуру человечества не меньше, чем у европейцев и китайцев, египтян и персов, ацтеков и инков. Правда роль эта была уникальна, и долгое время не была разгадана. За последние два века русские ученые, географы и востоковеды сумели приподнять завесу тайны над этой несомненно актуальной проблемой [15].

Во время ледникового периода в Монголии находилось много озер, которые были окружены цветущей степью, а не пустыней, которой эти озёра являются ныне. Чистой воды Горных ледников Хамар-Дабана и Восточных Саян было достаточно, чтобы напоить густой лес, произрастававший на склонах Хэнтэя и

Монгольского Алтая, который пережил несколько жестоких засушливых периодов, что придали монгольской природе ее современный облик.

Во время ледникового периода Монголия была страной озер, ныне пересохших, а тогда окаймленных густыми зарослями и окруженных не пустыней, а цветущей степью. Горные ледники Хамар-Дабана и Восточных Саян давали столь много чистой воды, что на склонах Хэнтэя и Монгольского Алтая росли густые леса, кое-где сохранившиеся ныне, пережив несколько периодов жестоких усыханий степной зоны Евразийского континента, погубивших озера и придавших монгольской природе ее современный облик [7].

Тогда среди озер и лесов, в степи паслись стада мамонтов и копытных, дававших пищу хищникам, среди которых первое место занимали люди верхнего палеолита. Они оставили потомкам прекрасные схематические изображения животных на стенах пещер и утесов, но история этих племен, не имевших письменности, канула в прошлое безвозвратно. Можно только сказать, что Великая степь, простиравшаяся от мутно-желтой реки Хуанхэ почти до берегов Ледовитого океана, была населена самыми различными людьми. Здесь охотились на мамонтов высокорослые европеоидные кроманьонцы и широколицые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже носатые американоиды, видимо, пересекавшие Берингов пролив и в поисках охотничьей добычи доходившие до Минусинской котловины. Как складывались отношения между ними — неизвестно. Но нет сомнения в том, что они иногда воевали, иногда заключали союзы, скрепляемые брачными узами, иногда ссорились и расходились в разные стороны, ибо степь была широка и богата травой и водой, а значит, зверем, птицей и рыбой. Так было в течение тех десяти тысячелетий, пока ледник перегораживал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам с Атлантики [22]...

Но ледник растет лишь тогда, когда теплый ветер (с температурой около нуля) несет на него холодный дождь и мокрый снег. А поскольку эти осадки неслись на восток от Азорского максимума, ледник наращивал свой западный край и

передвигался от Таймыра (18 тыс. лет до н.э.) в Фенноскандию (12 тыс. лет до н.э.), откуда сполз в Северное море и растаял. А в эти же тысячелетия его восточный край таял под лучами солнца, ибо антициклон (т.е. ясная погода) пропускал солнечные лучи до поверхности земли или, в данном случае, льда.

С тающего ледника стекали ручьи чистой воды, которые орошали степи, примыкавшие к леднику, наполняли впадины, превращая их в озера, и создавали тот благодатный климат, в котором расцветала культура верхнего палеолита [12].

Но как только ледник растаял и циклоны прорвались на восток по ложбине низкого давления, пошли дожди и снегопады, а от избытка влаги выросли леса, разделившие северную степь — тундру от южной — пустыни. Мамонты и быки не могли добывать корм из-под трехметрового слоя снега, и на месте роскошной степи появилась тайга — зеленая пустыня, где живут лишь комары, зайцы и кочующие северные олени. А на юге высохли озера, погибли травы, и каменистая пустыня Гоби разделила Монголию на внешнюю и внутреннюю. Но, к счастью, в I тысячелетии до н.э. эта пустыня была еще не широка и проходима даже при тех несовершенных способах передвижения: на телегах, запряженных волами, где колеса заменяли катки из стволов лиственницы, просветленные для установки осей.

Накануне исторического периода — во 2 тысячелетии до н.э. — племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно, и очевидно, взаимодействовавших друг с другом. Это открытие было сделано С. И. Руденко, применившим радиоуглеродные методы (определение возраста по полураспаду C^{14}) для датировки археологических культур наиболее изученного района — Минусинской котловины. Оказалось, что археологические «культуры» не следуют одна за другой, эволюционно сменяя друг друга, а сосуществуют [7].

Согласно тем же датировкам, переселение предков хуннов с южной окраину Гоби на северную совершилось не в XII, а в X в. до н.э. и тем самым связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай и впоследствии

знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифского этногенеза, последующие фазы которого описаны Геродотом. Итак, рубеж доисторических периодов и исторических эпох падает на X в. до н.э., причем разница этих двух разделов истории лежит только в степени нашей осведомленности. Люди всех времен знали названия своих племен и имена своих вождей, но более древние до нас не дошли, а потому для изучения их приходится ограничиваться археологией и палеогеографией [8].

Обычно, когда в коммунальную квартиру въезжают новые жильцы, то их встречают враждебно, так как они претендуют на площадь, которую старые жильцы норовили приспособить для себя. Исключением является лишь та редкая ситуация, когда новоселы занимают комнату, давно пустующую и никому не нужную. Но разве бывает такая ситуация в природных ландшафтах, где естественный прирост толкает на расширение ареала до возможных пределов? Бывает! Но только тогда, когда какая-то территория становится непригодной для ведения привычного хозяйства и, следовательно, ненужной. Ее покидают и не интересуются тем, кто ее займет, лишь бы не стал агрессором.

Внутренние области обширного Евразийского континента принципиально отличаются от прибрежных характером увлажнения. Западная Европа, по существу, большой полуостров, и омывающие ее моря делают ее климат стабильным. Конечно, и здесь наблюдаются вариации с повышением или понижением уровня увлажнения, но они невелики и значение их для хозяйства народов Западной Европы исчерпывается отдельными эпизодическими засухами или наводнениями. Те и другие быстро компенсируются со временем, но даже в этом случае последствия их отмечаются в хрониках [7].

Исследуя эти процессы, необходимо помнить, что хронисты или, по-нашему — летописцы, всегда отмечают события и явления редкие, экстраординарные, а не обычные, характерные для описываемого периода. Так, в дождливые периоды отмечаются ясные дни или месяцы, и наоборот. Особенно важно учитывать смены повышенных увлажнений и атмосферных фронтов, а пути циклонов

постоянно смещаются с юга на север и обратно. Как установлено, эти смещения происходят от колебаний солнечной активности и соотношений между полярным, стабильным, и затропическим, подвижным, антициклонами, причем ложбины низкого давления, по которым циклоны и муссоны несут океаническую влагу на континент, создают метеорологические режимы, оптимальные или для леса, или для степи, или для пустыни [29].

И если даже в прибрежных регионах эти смещения заметны, то внутри континента они ведут к изменениям границ между климатическими поясами и зонами растительности. Последние же определяют распространение животных и народов, хозяйство коих с окружающей средой всегда связано тесно.

И наконец, смены зон повышенного увлажнения наглядны при изучении уровней Каспия, получающего 81% влаги через Волгу, из лесной зоны, и Арала, который питают реки степной зоны. Уровни эти смещаются гетерохронно, т.е. при трансгрессии Каспия идет регрессия Арала и наоборот. Возможен и третий вариант: когда циклоны проходят по арктическим широтам, севернее водосбора Волги, снижаются уровни обоих внутренних морей. Тогда расширяется пустыня, отступает на север тайга, влажные степи становятся сухими и тает Ледовитый океан. Именно этот вариант имел место в конце II и особенно в III в. Кончился он только в середине IV века [10].

Эта длинная преамбула позволяет дать краткий ответ на поставленный вопрос. Неукротимые хунны уходили на запад по степи, ибо только там они могли кормить своих коней. С юга их поджимала пустыня, с севера манила окраина лесостепи. Там были дрова— высшее благо в континентальном климате. Там в перелесках паслись зубры, благородные олени и косули; значит, было мясо. Но углубиться на север хунны не могли, так как влажные лесные травы были непривычны для хуннских коней, привыкших к сухой траве, пропитанной солнцем, а не водой [27].

Местное же население, предки вогулов (манси), отступало на север, под ласковую тень берез и осин, кедров, елей и пихт, где водились привычные для

него звери, а светлые реки изобиловали рыбой. Им не из-за чего было ссориться с неукротимыми хуннами. Наоборот, они, видимо, понравились друг другу. Это можно заключить по тому, что в конце V и в VI в., когда гуннская трагедия закончилась и гуннов, как этноса, не стало, угорские этносы выступают в греческих источниках с двойным названием: «гунны-савиры», «гунны-утигуры», «гунны-кутригуры», «хуну-гуры». Если даже приуральские угры не смешивались с потомками хуннов, то очевидно, что они установили контакт на основе симбиоза, а отнюдь не химеры. Такой контакт позволил им объединить силы, когда они понадобились [11].

Иногда имеет значение характер социального строя, но в нашем случае этого не было. Южносибирские и приуральские финно-угры в III в. имели свою организацию, которую китайские географы называли Уи-Бейго.

Угорское Северное государство. Оно было расположено на окраине лесной зоны, примерно около современного Омска. У хуннов тоже были военная организация и вожди отрядов, без которых любая армия небоеспособна. Но и те, и другие находились в родовом строе— первобытнообщинной формации, что исключало классовые конфликты между обоими этносами. Двести лет прожили они в соседстве, и когда наступила пора дальних походов на Европу, двинулись не хунны и угры, а потомки и тех, и других — гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры — скорлупой, а вместе — особой системой, возникшей между Востоком и Западом вследствие уникальной исторической судьбы носителей хуннской пассионарности [22].

И все-таки неукротимые хунны не смогли бы уцелеть, если бы в ход событий не вмешалась природа. Степь, которая была для их хозяйства вмещающим ландшафтом, в начале н.э. была не пустой равниной, покрытой только ковылем и типчаком. В ней были разбросаны островки (колки) березового и осинового леса, встречались сосновые боры. Там паслись несметные стада сайгаков; лисицы-корсаки охотились на сурков и сусликов. Громадные дрофы и красавцы журавли подвергались нападениям степных орлов и небольших, но ловких удавов [12].

Степь могла кормить даже такого свирепого хищника, как человек. Почему же финно-угры так легко отказались от степных угодий, принадлежавших им по праву?

Во II в. атлантические циклоны сместили путь своего прохождения на восток, в глубины континента. В I в. они несли влагу через южные степи и выливали ее на горные хребты Тарбагатай, Саура и Тянь-Шаня, откуда они текли в Балхаш и Арал. В степях при этом в зимнее время было нормальное увлажнение. Снег выпадал в количествах, достаточных для пропитания земли влагой и обеспечения роста растительности на корм травоядным, которыми уже питались люди. Однако к середине II в. путь циклонов сместился в сторону лесной зоны, что стало причиной обмеления Арала и подъема уровня Каспия на-3 м [7].

Тем не менее в III в. вековая засуха явилась с невероятной силой. Северная сухая степь переместилась севернее, став экстремально сухой пустыней. Было снижение количества осадков до 100-200 мм в год.

В этот момент угры покидают изменившиеся природные условия и двигаются к северу вдоль великой реки Оби, а самодийцы — вдоль Енисея. Самодийцы попали в более выгодное положение. Они перебрались в северный аналог Великой степи— тундру, приручили северного оленя и сделали местопребывание этого прекрасного зверя своим месторазвитием. От берегов Хатанги и Дудышты до Кольского полуострова распространились кочевники-оленоводы, и там они прожили свой исторический цикл — 1200 лет, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем, как и о судьбе прочих бесписьменных народов[8].

Угры, продвигавшиеся по Оби, встретили народ, имени которого история не сохранила. Открыли его археологи и свою находку назвали «Усть-Полуйской культурой». Название же, которое ему попытались дать, исходя из мансийских преданий — «сииртя», означает— неупокоенный дух убитого, приходящий по ночам для отмщения своим погубителям. Манси считали, что последние «сииртя» прячутся в пещерах Северного Урала и Новой Земли и, являясь невидимками, очень опасны [20].

Правильнее всего предположить, что миграция угров на север произошла вследствие великой засухи III в. или сразу после нее, а пассионарность, необходимую для столь грандиозных свершений, предки нынешних угров получили от метизации с хуннами, у которых пассионарность была в избытке, а все остальное потеряно. Но метизация всегда бывает взаимной, и, как уже было сказано, хунны превратились в гуннов [8].

Но тут для каждого читателя, знакомого с географией, встает вопрос: как скотоводческий и конный этнос мог преодолеть таежный барьер, отделяющий южную степь от северной, т.е. тундры? Зимой в тайге глубокий снег, через который лошадей не провести, а летом болота с тучами гнуса. По глубокой Лене предки якутов в XI в. спускались на плотах, но по бурному Енисею и через перекаты и мели Оби этот способ был бы слишком рискованным. А, кроме того, угры и сами гунны распространялись на север по Волге, а в этой реке течение сильное. Тем не менее, большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финский — древний и угорский — пришлый [7].

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было и тогда не сложно.

И, наконец, чувашаи состоят из двух компонентов: местного и тюркского, даже не угорского. Поскольку чувашский язык принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно.

Заметим, что все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, была дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль в Зауралье играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели новую родину, заменив собой древние циркумполярные этносы, от которых сохранился только один реликт — кеты [19].

В предлагаемой реконструкции гипотетична только дата переселения— III—IV вв. Она является выводом дедуктивным, т.е. предлагается на базе изучения

всей климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей для столь большой миграции. Но, как при любом гипотетическом построении, любые новые аргументы «за» и «против» желательны.

И последнее, финны и угры с гуннами не ассимилировали друг друга, а жили на основе симбиоза. Это снижало необходимость межплеменных войн и резни. Только несчастные «усть-полуйцы» превратились в страшных духов — «сииртя», а в прочих местах миграция прошла относительно благополучно. Заметим это и обратимся к югу[8].

Скифы и сменившие их сарматы жили полуоседлым бытом, совмещая земледелие с отгонным скотоводством. Скот их нуждался в сене, потому что в их степях снеговой покров превышал 30 см, что исключает тебеневку (добычу скотом корма из-под снега). Сухие степи их не привлекали, а пустыня просто отпугивала. Зато луга и лесостепь сарматы умели осваивать, чуждаясь только дубрав и березово-осиновых лесов; там им нечего было делать. Поэтому, сопоставив карту распространения сарматских племен I в. и разнотравно-дерновинно-злаковых степей, нетрудно определить размеры Сарматии: от среднего Дуная на западе до Яика и даже Эмбы на востоке[7].

Однако зауральская Сарматия была периферией их ареала, ибо Причерноморье получает дополнительное увлажнение от меридиональных токов черноморского воздуха, Каспий же в то время стоял на абсолютной отметке минус 36 м, и его северный берег был расположен южнее параллели $45^{\circ}30'$, хотя Узбой в то время впадал в Каспий. При столь малом зеркале испарение было слабым и не влияло заметно на климат северного берега Каспия [10].

Когда же наступила великая засуха, сарматы стали покидать восточные степи и берега Каспийского моря. Они передвинулись за Волгу, а сокращение пастбищных угодий компенсировали расширением запашки зерновых, ибо Римская империя охотно покупала их дешевый хлеб.

Таким образом, восточнее Волги образовались свободные от населения пространства, и они стали пристанищем для хуннов, привыкших на своей родине к еще более засушливым степям, нежели полынные, опустыненные степи Северного Прикаспия [8].

Но подлинная пустыня надвигалась на степь с юга. Полынь уступала место саксаулу и солянкам. Тот ландшафт, который ныне бытует в Кызылкумах и Каракумах, окружил с севера Аральское море, которое высохло настолько, что превратилось в «болото Оксийское». И эта местность в III в. была даже еще хуже, так как бурые суглинки, в отличие от песков, не впитывают дождевую воду, а дают ей испариться, оставляя равнину гладкой, как стол [7].

Засуха не пощадила и Балхаш, который высох так, что дно его было занесено эоловыми отложениями, перекрывшими соленые почвы. После засухи, кончившейся в IV в., Балхаш не успел осолониться. Обитавшие вокруг него усуни отошли в горы Тянь-Шаня, а их земли заняли потомки «малосильных» хуннов, сменившие свое имя на «чуйские племена».

Монотонный ландшафт Арало-Каспийской равнины на востоке пересечен цепью горных кряжей: Алтаем, Тарбагатаем, Сауrom и, наконец, Западным Тянь-Шанем. Склоны этих гор — одно из красивейших мест Земли, и неудивительно, что обитатели Алтая мало похожи по культуре, быту и историческим судьбам на жителей Степи: гузов, канглов, карлуков и даже куманов.

По отношению к степным соседям, Алтай — крепость «Крутой скат» (Эргене Куй), где при любых переменах вокруг можно отсидеться, не сдаваясь противнику. Пищи там достаточно. Для скота есть прекрасные пастбища — северные склоны речных долин, опаленные южным солнцем, а для охоты — южные склоны, поросшие густым лесом, по которым солнечные лучи только скользят, не иссушая почву и не сжигая растения. В чистых речках много рыбы, на опушках леса — птицы. Короче говоря, Алтай — самое благоприятное место для сохранения культуры, даже зародившейся в совсем других местах; потому так богата и разнообразна археология Алтая. И не случайно, что именно на Алтае

началась добыча и обработка железа, ранее получаемого хуннами из Тибета и Китая [15].

Однако для того чтобы пользоваться дарами природы, надо самому быть энергичным, смелым и творческим. Географическая среда может помочь или помешать, но она не заменяет пассионарности, ибо последняя — тоже природа, только расположенная внутри этноса. Фаза надлома — возрастная болезнь этноса, катаклизм, который надо уметь пережить, что удастся не всегда и не всем [8].

Во время жестокой эпохи перелома, перемоловшей все племена в муку, военные отряды часто комплектовались из представителей разных этносов: хуннов, сяньбийцев, тангутов и прочих. Во главе одного такого небольшого отряда (500 семейств) стоял некий сяньбиец Ашина, служивший хуннам Хэси в 439 г. После завоевания страны табгачами Ашина увел свой отряд вместе с семьями воинов через Гоби на север, поселился на склонах Алтая и «стал добывать железо для жужаней». Это были предки этноса «тюрк». Этноним не надо путать с современным значением этого слова — лингвистическим. В XIX в. их называли по-китайски «тю-кю» — тюркют по-монгольски. Так и мы будем их называть, «Ут» — монгольский суффикс множественного числа. Тюркютами называли тюрков жужани, разговорным языком коих был сяньбийский, т.е. древнемонгольский. Но Алтай укрыл за своими хребтами не только дружину Ашины [7].

4 КРИТИКА ТЕОРИИ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Пассионарная теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева вызвала в обществе значительный резонанс, мнения разделились: одни выразили признание и даже приверженность этой теории, другие не переставали критиковать.

Гумилева критиковали чаще всего его коллеги по предмету исследования. Даже многие современные ученые и исследователи выражают свое неодобрение к его учению.

Русский историк и философ Юрий Семенов в своей статье резко критикует Гумилева, опровергает его идеи. Правда, его аргументация не показалась нам убедительной. Профессор, скорее, просто отстаивает личные убеждения, он очень субъективен. По большей части, Семенов ограничился только ссылками на других авторов. В работе не представлен должный анализ первоисточников Гумилева [23].

Пассионарная теория Гумилева имеет самые различные интерпретации и понимания. Некоторые приписывают ей миротворческую функцию, считают ее способной сгладить углы отношений между различными этносами, другие видят в ней концепцию русского шовинизма.

В.Чивилихин, А.Кузьмин приписывали Гумилеву русофобство, сопоставляли его работу с учением раввина Маймонида. Л.Клейн, Я.Лурье, А.Янов, В.Шнирельман, видели в пассионарной теории этногенеза антисемитские призывы [13,16,18,28,30].

В чем причины существования столь полярных мнений критиков? Является ли Лев Гумилев антисемитом? Для ответа необходимо классифицировать мнения критиков и специалистов.

Классификация критики работ Гумилева: критика самой теории, критика политических взглядов автора и критика интерпретации исторических фактов Гумилевым. Самой обоснованной является последняя критика: исследователи предъявляют все больше доказательств.

Лев Гумилев не сходилась в оценке, к примеру, татаро-монгольского ига или роли Хазарского Каганата в истории Руси со многими исследователями: Борисом Рыбаковым, Аполлоном Кузьминым, Яковом Лурье.

Их споры являются вполне допустимыми в контексте научно-исследовательского обсуждения. Однако, по сути, они являются лишь обсуждением разных интерпретаций одних исторических событий, одних и тех же научных фактов.

Но ведь иной взгляд на какие-либо события прошлого не должен быть основанием отрицания всей пассионарной теории, это не объективно. Нужно учитывать и человеческий фактор: разная возможность получения информации, просчеты. Гумилев и сам считал свою теорию неидеальной. Его оппонент, Лев Клейн, признает рефлексию Гумилева, он цитирует его фразу о том, что пассионарная теория, спустя несколько десятилетий уже может быть полностью переосмыслена [13].

Критика политических убеждений Гумилева связана с недоверием к пассионарной теории. Критики Гумилева с большим недоверием относятся к мысли о том, что можно исторический процесс является не только историей разумных людей, но и явлением во многом от них независимым. Представляется, что люди лишь подстраиваются под правила и законы мироздания, а не выстраивают их сами.

Согласиться с зависимостью истории от природных факторов значит противостоять основным постулатам гуманитарных наук, принятым в эпоху Просвещения: вере в прогресс, рациональное начало, и в европоцентризм как в единственный возможный путь развития исторического процесса. Гумилев придерживается абсолютно противоположных взглядов, является евразийцем.

О евразийстве историки рассуждают весьма односторонне и субъективно. Виктор Шнирельман называет евразистов антисемитами, хотя в своих работах довольно часто приводит высказывания, свидетельствующие об обратном. Александра Янова удивляет симпатия Гумилева к евразийцам и диалектический

материализм его теории. Но он не учитывал то, что, во-первых, это было левое крыло евразийства, а во-вторых, требования к ученым в СССР[28,30].

Аполлон Кузмин обосновывает евразийство непринятием его приверженцев в научной среде Европы. Это определенно имеет сходство с критикой евразийства и пассионарной теории этногенеза Валерией Новодворской[16].

Наибольшей критике подвергается идея привилегированных этносов. «Нет народов, плохих или хороших, — они разные», — пишет Гумилев. Схожие фазы развития и угасания имеют все народы.

Хазарский Каганат существовал паразитически; это связано со временем их существования, а вовсе не с принятием хазарами иудаизма, на это не влияет их менталитет. Гумилев уверен в исторической смерти хазарского этноса. Именно за это суждение его объявляют антисемитом.

Наверное, для таких исследователей, как Клейн и Янов, ставить евреев наравне с остальными народами, значит, быть антисемитом. А говорить о том, что демократия и западный либерализм — не единственный путь развития цивилизации и что европейские этносы тоже стареют и исчезают, значит являться лжеученым.

Разумеется, суть проблемы не в приверженности Гумилева к антисемитам. Лев Клейн, Виктор Шнирельман, к примеру, заметили, что Гумилев называет народами-торгашами и флорентийцев, и шотландцев, и фризов. Но отмечают они почему-то исключительно «антисемитизм» Гумилева. Причина, скорее всего, в том, что антисемитизм — явление более популярное. Проблема преследования евреев давно широко обсуждается[13,28].

Сам Клейн признает: Гумилев не является антисемитом. Но ученый все же настаивает: если Гумилев приверженец антисемитизма, то и его теория, и научные работы ничего не значат [13]. Это легкий способ обвинить в лженаучности.

В пассионарной теории этногенеза евреи классифицируются как этнос-паразит, без привязки к территории. Клейн рассуждает в своей работе о том, что

антисемитизм Гумилева связан с тем, что еврейский этнос противоречит пассионарной теории: евреи должны были исчезнуть уже давно, но они продолжают существовать.

Но Клейн снова не учитывает то, что Гумилев ни один народ не считал избранным, приписывал равенство всем этносами. Еврейский этнос преодолевает все стадии развития, как и любой другой.

Во-первых, в теории указано, что еврейский народ не должен был исчезнуть, а просто перейти в стадию гомеостаза. Судя по фактам из истории в период средневековья, именно это и произошло. Все силы евреев были направлены не на постройку новых городов или завоевательные походы, а на сохранение собственной культуры и этническую идентификацию.

Уже в Новое время евреи обрели в обществе совершенно другое значение. Они сильно изменились со времен сражений с древними римлянами. Главной заслугой евреев в Средневековье стало сохранение культуры и религии. Для них это был самый трудный период – большинство народов бесследно исчезает именно в период гомеостаза. Так подает еврейскую историю Лев Гумилев, используя для этого свою теорию.

Разве здесь встречается антисемитизм?

Во-вторых, непонятны причины создания государства Израиль, если евреи не нуждаются в своей собственной территории. Тратится много сил на сохранение суверенитета этого государства. Еврейскому этносу совершенно точно нужна своя территория. Это необходимо для комфорта развития этноса; даже проживая на чужих территориях, евреи стремятся создать подобные своим жизненные условия.

Довольно странно выглядит со стороны уверенность в антисемитизме Гумилева, считавшего, что национальный характер и менталитет – мифы. Он назвал евреев «блуждающим суперэтносом». Довольно интернациональное суждение.

Однако критики продолжают считать Гумилева антисемитом. Виктор Шнирельман вовсе приписывает Гумилеву утверждения, которые тот никогда не высказывал в своих работах.

Например, Шнирельман расшифровывает суждения о хазарском иге как о советской власти и гонении на русских евреях. Подобного в личных признаниях Гумилева нигде не содержится, а ведь именно это можно считать доказательством [28].

Или, к примеру, пассаж о том, что пассионарная теория этногенеза лежит в основе нового «культурного расизма» против эмигрантов в Европе, и ссылается на то, что обнаружить их в работах Гумилева и его последователей будет нетрудно. Мы не сумели их обнаружить, исходя хотя бы из того, что в статье Шнирельмана нигде не приведены списки работ Гумилева.

Шнирельман пишет: «...вовсе неважно, был Гумилев антисемитом или нет. Гораздо важнее, какие выводы делает из его труда иной «заинтересованный» читатель»[28].

Шнирельман должен был учесть, что его слова могут иметь серьезные последствия. Не будем забывать, что западники, а не, как принято считать, славянофилы и приверженцы евразийства, высказывая довольно резкие суждения, определенно повлияли на появление в Прибалтике и Украине группировок националистов и неонацистов.

Предсказания Шнирельмана не сбылись: распространение теории этногенеза Гумилева привело лишь к межнациональному диалогу между славянскими и тюрскими этносами, а не погромам и войнам.

Примером выше указанного суждения является установка памятника Гумилеву в Казани и Евразийский Университет в Алматы, носящий его имя.

Из-за популярности теории этногенеза среди «правых», некоторые исследователи делают вывод: Гумилев придерживается шовинизма.

Считая европейский народ стареющим, а русский – молодым, он делает ставку на то, что будущее цивилизации станет за русскими.

Но Гумилев не выказывал ничего подобного в своих работах. Наоборот, он пишет, русская цивилизация сейчас в периоде климакса, а основная фаза развития миновала.

Обычно шовинистам не пристало выказывать подобные суждения. Если бы Гумилев действительно назвал русских самой молодой нацией, то, несомненно, он бы перенес пассионарный толчок Руси с тринадцатого века на 19-й или 20-й век. Разумеется, найти подходящую для этого дату довольно просто: русская история содержит много похожих на пассионарный толчок событий.

Также Гумилеву ставят в вину то, что он заигрывал с большими массами с помощью использования средств художественной выразительности.

Обосновывают это так: если его теория весьма популярна среди больших масс населения, значит, она не может считаться действительно научной.

Думаем, что популярность Гумилева связана лишь с простотой и изяществом его речи и идей, а подобные упреки ученых – с их снобизмом. Художественными образами и яркими метафорами украшены многие научные труды, например, «Мир как пространство и время» Фридмана или «Капитал» Маркса.

Скорее всего, критики завидуют посмертной славе Гумилев. Ни один из оппонентов Гумилева так и не сумел представить сложные научные исследования в простой и понятной всем форме, мало кто сумел заинтересовать большие массы читателей. Единственным исключением среди всех критиков является Борис Рыбаков. И он единственный, кто Гумилева в манипулировании массами не упрекал.

Исходя из вышесказанного, делаем вывод: попытки критики Гумилева в большинстве своем не обоснованы и часто имеют лишь личную мотивацию.

Разберемся с критикой непосредственно теории в качестве исторической концепции.

В основном, доказательством неверности теории являются исторические факты, не совпадающие с предложением теории. Однако критики не принимают и не объясняют никогда самое главное: теория этногенеза является не столько

исторической теорией развития цивилизаций, сколько парадигмой, через которую можно изучать историю.

Разумеется, рассматривая этот аспект пассионарной теории, мы можем считать ее ненаучной. Таким образом, она выглядит философской интерпретацией истории.

Как философская концепция, теория Гумилева трудна для понимания и является спорной. Необходимо именно понимание, а не доказательства. Однако, считая это доводом к отрицанию теории, считая, что Гумилев является лжеученым, справедливо заметить, что лжеучеными являются тогда и Гегель, и Маркс, и Ясперс, и Тойнби.

Вот безапелляционное утверждение Клейна: Гумилев самый настоящий мифотворец. Однако Клейн забывает, что сам аналогично подвергается мифу. Мифу научному, но от этого его мифичность не умаляется.

Клейн называет этнос явлением психологическим и социальным. Эту теорию называют теорией воображаемых сообществ. Гумилев же демонстрирует другую историческую парадигму, иной подход, учитывающий и природные факторы.

Юлиан Бромлей критиковал Гумилева именно за это. Следует признать, что позиция с точки зрения культуролога аналогично мало имеет доказательств, тоже близка к мифу, также опирается на априорные знания, как и теория этногенеза. Разве тогда справедливо считать Клейна ученым?

Наличие философской парадигмы позволяет считать историю более чем простым набором фактов. Без этого не представляется ясным даже объект исследования, не говоря уже о смысле или сущности истории.

Опираясь на любую из парадигм истории Маркса, Ясперса, Гумилева, Тойнби, мы все равно не можем утверждать, что понимание сущности истории не нарушено, но мы точно не можем заявлять, что этой сущности истории не существует.

Разумеется, этнос не должен соотноситься с биологическим видом. Животные одного вида сознательно не воспринимают принадлежность их к виду или роду,

но человечество способно осознавать свой этнос. Однако и мы являемся материей, и материей не исключительно материально мыслящей.

Этнос существует, а, значит, существует и его сознание. Мы просто сознаем, что существует этнос, не сознавая при этом его развития. Однако нельзя утверждать, что неосознанный факт не существует.

Согласно Гумилеву, сначала происходит неосознанный выброс пассионарной энергии. После эта энергия переходит в этнос, и только затем главные интеллектуалы этноса осознают общность этноса.

Все попытки создания этноса с помощью договора провалены. Удачный пример — советский народ. Ну а в случае США, нужно говорить не о едином американском этносе, а о нескольких национальных общинах американцев, сплоченных в группу.

Утверждение о том, что пассионарную энергию до сих пор не удалось выявить, не является основным фактом для опровержения научности всей теории. Обнаружение пассионарной энергии подобно обнаружению атома или гравитации в физике.

Завершить рассуждение хочу так: большая часть критики теории Гумилева не обоснована.

Из всех замечаний наиболее метким является утверждение Александра Янова о том, что под теорию Гумилева можно подвести не только процесс этногенеза в истории, но и любое значительное культурное или социальное явление [30].

Однако я считаю, что это не говорит о неправильности пассионарной теории, а утверждает её универсальность в применении. Необходимо конвертировать эту теорию и в другие науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любая научная теория - это система обобщенного знания, объяснения разносторонности событий, ситуаций, происходящих в природе или обществе. И потому любая научная теория нуждается в проверке. Однако часто теорию нельзя проверить прямым экспериментом, либо такая проверка слишком сложна или затратна, и поэтому теории часто проверяются не прямым экспериментом, а по наличию предсказательной силы.

Теории Льва Гумилёва вызывали и вызывают противоречивые мнения и отзывы, как среди учёных, так и среди читателей, не являющихся научными сотрудниками. Но сомнения и противоречия не могут быть причиной для того, чтобы теория была отвергнута и забыта. Её нужно или опровергнуть, или разрабатывать и развивать дальше.

В рамках данной работы были исследованы различные письменные источники, относящиеся к теме. Удалось проследить истоки идей автора, отметить периоды жизни, повлиявшие на его творчество. Так же удалось изучить закономерности в развитии народов Евразии, отмеченные Л. Н. Гумилёвым.

В процессе работы было выявлено, что значимость работ Гумилёва о влиянии природной среды на историю кочевых народов признают даже убеждённые противники его теорий (пассионарной теории этногенеза, в первую очередь). Сам его подход – попытка интегрировать методы гуманитарных, естественных и точных наук в целях познания объективной действительности – заслуживает уважения.

В любом случае, труды Гумилева, несомненно, заслуживают внимания. Их нужно читать, изучать, осмысливать. И продолжать исследования, начатые им. Не столь важно, будут ли его теории в конечном итоге опровергнуты или же полностью подтверждены. Важно то, что они являются вехой в истории науки. Вехой на пути к подлинной цели науки – познанию истины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Биография Льва Гумилёва // РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/spravka/20121001/761424973.html>
- 2 Внутренняя закономерность этногенеза (Ландшафт и этнос: XIV) / Гумилёв Л.Н. // Вестник Ленинградского ун-та. — 1973. — Т. 16. вып. 1: Геология. География. — С. 94—103
- 3 Гумилёв Лев Николаевич (1912 — 1992) // funreal-spb.ru [Электронный ресурс] URL: <http://funeral-spb.ru/necropols/nikolskoe/gumilev/>
- 4 Гумилев Л. Н. Биография научной теории, или Автонекролог // Гумилёвика [Электронный ресурс] URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article11.htm>
- 5 Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: (Ландшафт и этнос): IV / Гумилёв Л.Н. // Вестник Ленинградского ун-та. — 1966. — N-6. вып. I. — С.62-71
- 6 Гумилёв Лев Николаевич. Биография. // Чтобы помнили [Электронный ресурс] URL: <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1325>
- 7 Гумилев Л. Н. Сочинения. Т.11 : Тысячелетие вокруг Каспия /Л. Н. Гумилев; Сост. А. И. Куркчи. — М. : ДИ-ДИК, 1998. — 592 с.
- 8 Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Гумилев Л. Н. — М. : ДИ-ДИК, 1997. — 640 с.
- 9 Древние тюрки / Гумилёв Л. Н. , АН СССР. Ин-т народов Азии. — М.: Наука, 1967. — 504 с.
- 10 История колебания уровня Каспия за 2000 лет: (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.) / Гумилёв Л.Н. // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. — М.. 1980. — С. 32—48.
- 11 Изменение климата и миграции кочевников / Гумилёв Л.Н. , Природа. — 1972. N4. — С. 44-52.
- 12 Климат и история // Гумилёв Л.Н., Знание — сила. — 1968. — N -4. — С. 28-29.

13 Клейн Л. С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н.Гумилёва. / журнал «Скепсис» [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html

14 Каспий, климат и кочевники / Гумилёв Л. Н. , Алексин А. А. // Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — 1963. — С. 41-55.

15 Кочевой быт от расцвета к исчезновению / Гумилёв Л.Н.// Азия и Африка сегодня. — 1968. — N 2. — С. 14- 15.

16 Кузьмин А.Г. Пропеллер пассионарности или теория приватизации истории / Гумилёв центр [Электронный ресурс] URL http://www.zlev.ru/37_10.htm#_ftn1

17 Лавров, С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи // Гумилёвика [Электронный ресурс] URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article11.htm>

18 Лурье Я. С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилёва. / журнал «Скепсис» [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.ru/library/id_87.html

19 Люди и природа Великой Степи: (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) / Гумилёв Л.Н. //Вопросы истории. — 1987.— N 11.— С.64—67.

20 Место исторической географии в востоковедческих исследованиях / Гумилёв Л.Н., Народы Азии и Африки. — 1970. — N 1. — С. 85-94.

21 Открытие Хазарии: (Историко-географический этюд) / Гумилёв Л.Н., АН СССР. Ин-т истории народов Азии. — М.: Наука. 1966. — 191 с.

22 Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии / Гумилёв Л. Н. , История СССР. — 1967. — N 1. — С. 53-66.

23 Семёнов Ю.И. Идеологическая мода в науке и скептицизм / журнал «Скепсис» [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.ru/library/id_313.html

24 Троецарствие в Китае / Гумилёв Л.Н., // Доклады отделений и комиссий, Геогр. о-во СССР. — Л., 1968. — Вып. 5: Этнография. — С. 108—127.

25 Хазарское погребение и место, где стоял Итиль / Гумилёв Л.Н.// Сообщения Государственного Эрмитажа. — Л., 1962. — Т.XXII. — С.56-58.

26 Хунну: Срединная Азия в древние времена / Гумилёв Л. Н. , АН СССР. Ин-вост. лит-ры. 1960. — 291 с.

27 Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами. / Л. Н. Гумилев — М.: Наука. 1974. — 236 с. 24 с.

28 Шнирельман В. А. Евразийцы и евреи. / журнал «Скепсис» [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.ru/library/id_952.html

29 Этнология и историческая география: (Ландшафт и этнос: XIII)/ Л.Н.Гумилёв, Вестник Ленинградского ун-та. — 1972. — Т. 18, — С. 70-80.

30 Янов А.Л. Учение Льва Гумилёва. «Свободная мысль» / журнал «Скепсис» [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.ru/library/id_837.html